

A fantastical illustration of a woman in a white dress standing on a balcony, looking out over a futuristic city. In the sky, a giant, glowing eye with a bright yellow sunburst in its center is surrounded by golden, root-like structures. The city below is a mix of modern skyscrapers and ancient, moss-covered stone buildings. The scene is set against a backdrop of a blue sky with white clouds and a blue sea.

Анатолий Шигапов

Балтийский Рубикон

Анатолий Шигапов
Балтийский Рубикон

«Автор»

2026

Шигапов А.

Балтийский Рубикон / А. Шигапов — «Автор», 2026

Алиса сталкивается с самой большой угрозой - Отцом-Корнем, древней частью леса, которая считает человечество ошибкой и хочет начать «очищение». Чтобы остановить его, Алиса создаёт «Янтарное око» - самую мощную Пси-призму в истории, способную просчитывать реальность в масштабах всей планеты. Она показывает Отцу-Корню историю человечества - миллионы маленьких актов доброты, самопожертвования, любви. Отец-Корень даёт человечеству ещё один шанс. Затем Алиса и её команда создают «Янтарную сеть» - глобальную систему экологической безопасности. Для полноценного запуска сети нужен оператор - сознание, которое будет находиться в центре системы постоянно. Алиса понимает, что это её судьба. Она жертвует своей человечностью и становится «Янтарной сетью» - вечной сущностью, защищающей реальность.

© Шигапов А., 2026

© Автор, 2026

Анатолий Шигапов Балтийский Рубикон

Дорогой читатель!

Ты держишь в руках третью, заключительную книгу цикла «Балтийский Рубикон». Если ты прошёл со мной весь путь - от «Чёрного янтаря» до «Теней Альбертины», - то знаешь, что это путешествие было долгим, трудным и, надеюсь, незабываемым. Мы вместе исследовали мир, где янтарь оказался не просто красивым камнем, а носителем древней памяти, где реальность можно переписывать, как строки кода, и где любовь становится единственной силой, способной противостоять хаосу.

Третья книга - самая сложная из всех, что я написал. Она о конце и начале. О жертве и трансформации. О том, что значит стать чем-то большим, чем просто человек. Когда я начинал работать над этой книгой, я не знал, чем закончится история Алисы Штерн. Я знал только одно: её финал должен быть достоин того пути, который она прошла.

В этом предисловии я хочу поделиться с тобой тем, как рождалась эта книга. О её корнях, о сомнениях, о радостях открытий и о том, что осталось за кадром. Я хочу рассказать тебе о том, как я писал финал, и почему я считаю, что он правильный. И я хочу поблагодарить тебя - за то, что ты был со мной на протяжении всего этого пути.

Когда я заканчивал «Тени Альбертины», я знал, что третья книга будет о завершении. О том моменте, когда Алиса, пройдя через все испытания, должна будет сделать окончательный выбор: остаться человеком или стать чем-то большим. Но я не знал, каким будет этот выбор. Я не знал, какой ценой ей придётся заплатить за победу. Я не знал, сможет ли она выжить.

Я провёл много времени, размышляя над финалом. Я перебирал десятки вариантов. Алиса побеждает и остаётся человеком. Алиса побеждает и умирает. Алиса побеждает и становится бессмертной. Каждый из этих вариантов имел свои плюсы и минусы. Каждый из них был по-своему правдивым. Но ни один из них не казался мне *правильным*.

И тогда я вспомнил слова, которые стали эпиграфом ко всей трилогии: «Янтарь - это не просто камень. Это застывшая память». Если янтарь - это память, то Алиса, которая стала частью янтаря, должна была стать памятью. Не просто человеком, не просто оператором, не просто стражем - а самой памятью. Памятью планеты. Памятью времени. Памятью любви.

Так родился финал. Алиса становится «Янтарной сетью» - распределённым сознанием, которое существует в каждом кусочке янтаря на планете. Она не умирает - она трансформируется. Она становится чем-то большим, чем человек. Она становится вечной. И она продолжает защищать реальность, но уже не как оператор, а как сама сеть.

Этот финал был правильным. Он был логичным завершением её пути. Он был достоин той Алисы, которую я создал - женщины, которая всегда была готова пожертвовать собой ради других. И он давал надежду - надежду на то, что любовь действительно сильнее смерти.

Когда я писал третью книгу, я задавал себе вопросы, которые мучают человечество с самого его рождения. Что такое сознание? Что делает нас людьми? Есть ли у нас душа? И если есть - может ли она существовать отдельно от тела?

Янтарь в моей книге - это попытка ответить на эти вопросы. Если информация может быть записана в смоле, если память может быть сохранена на миллионы лет, если сознание может быть перенесено в другую среду - то, где проходит граница между человеком и машиной, между живым и неживым, между душой и информацией?

Алиса в третьей книге сталкивается с этими вопросами лицом к лицу. Она больше не просто человек. Она - нечто иное. Она - оператор, страж, часть сети. Но остаётся ли она собой? Сохраняет ли она свою душу? Или она становится просто функцией, алгоритмом, инструментом?

Эти вопросы не имеют простых ответов. Но я считаю, что их нужно задавать. Потому что мы живём в эпоху, когда технологии стирают границы между возможным и невозможным. Мы создаём искусственный интеллект, мы редактируем гены, мы учимся загружать сознание в цифровые носители. И рано или поздно нам придётся ответить на те же вопросы, что и Алиса.

В третьей книге я много размышлял о времени. О том, как оно течёт, как оно искажается, как оно становится пластичным под воздействием янтаря. Алиса видит прошлое и будущее одновременно. Она может перемещаться между вероятностными ветвями. Она становится почти бессмертной.

Но что такое бессмертие? Это не вечная жизнь в физическом теле. Это способность продолжать существовать в памяти других. Это способность оставлять след, который не стирается временем.

Янтарь в моей книге - это именно такой след. След тех, кто жил до нас. Тех, кого мы любили и потеряли. Тех, чьи голоса продолжают звучать, даже когда их обладатели ушли.

Когда я писал сцены в Архиве, я думал о тех, кого потерял сам. О своих бабушках и дедушках, которых уже нет. Об учителях, которые научили меня думать. О друзьях, с которыми мы больше не видимся. Все они остались со мной - в моей памяти, в моих книгах, в том, кем я стал.

Архив Альбертины - это метафора этой памяти. Место, где мёртвые продолжают говорить с живыми. Где знание передаётся не через книги, а через живой диалог. Где прошлое становится настоящим.

В третьей книге я часто говорю о любви. Мать-Смола говорит Алисе: «Ты должна стать любовью». Отец-Корень требует доказательств любви. Алиса жертвует собой из любви. Но что такое любовь в контексте этой истории?

Любовь в моей книге - это не просто чувство. Это выбор. Выбор, который мы делаем каждый день. Выбор быть рядом, даже когда это больно. Выбор прощать, даже когда это трудно. Выбор жертвовать, даже когда это страшно. Любовь - это не слабость. Это величайшая сила, которая существует в мире.

Я хотел показать, что даже в мире, где реальность можно переписывать, где прошлое и будущее - просто слои смолы, любовь остаётся единственной константой. Единственной силой, которая не поддаётся манипуляции. Единственным якорем, который удерживает нас от падения в хаос.

Кант говорил о «звёздном небе надо мной и моральном законе во мне». В моей книге эти две вещи - небо и закон - становятся одним. Потому что любовь - это и есть моральный закон. Это то, что делает нас людьми. То, что даёт нам силы идти вперёд, даже когда всё кажется безнадежным.

Несмотря на все трагедии, третья книга заканчивается на оптимистической ноте. Мир изменился. Леса восстанавливаются. Океаны очищаются. Люди живут в гармонии с природой. Надежда возвращается.

Я хотел, чтобы финал был светлым. Не потому, что я наивный оптимист. А потому, что я верю в человечество. Я верю, что мы способны на великие поступки. Я верю, что мы можем измениться к лучшему. Я верю, что любовь победит ненависть.

Эта вера - не просто литературный приём. Это моя личная позиция. Я видел, как люди объединяются перед лицом угрозы. Я видел, как они помогают друг другу, даже когда сами находятся в отчаянном положении. Я видел, как надежда воскресает даже в самых тёмных временах. И я хотел передать эту надежду читателю.

Калининград - это не просто место действия. Это полноценный персонаж всей трилогии. Город-палимпсест, где немецкое прошлое переплетается с советским настоящим, где руины соседствуют с новостройками, где каждый камень дышит историей.

В третьей книге Калининград меняется. Он становится мировым центром янтарной науки, символом новой эры. Но он не теряет своей души. Он остаётся тем же городом, который я полюбил - с его особым светом, его запахами, его тайнами.

Я хотел показать, что даже самый тёмный город может найти свет. Что даже самая разрушенная история может быть переписана. Что даже самое безнадёжное место может стать символом надежды. Калининград в моей книге - это метафора всего человечества. Мы все носим в себе шрамы прошлого. Но мы также можем создать будущее.

Арка Алисы в третьей книге - это путь от человека к чему-то большему. Она начинает книгу как оператор, который потерял почти всё, и заканчивает как вечная сущность, защищающая реальность.

Это не трагический финал - это трансформация. Она перестаёт быть человеком, но становится чем-то большим. Она становится памятью. Она становится любовью. Она становится той силой, которая будет защищать реальность, пока существует хоть один кусочек янтаря.

Когда я писал этот финал, я думал о мифах о жертвенных богах. Об Осирисе, который был убит и воскрес, чтобы стать судьёй мёртвых. Об Иисусе, который умер, чтобы спасти человечество. О Прометее, который принёс огонь людям и был прикован к скале. Все эти мифы говорят об одном: истинная сила - не в том, чтобы взять, а в том, чтобы отдать.

Алиса отдаёт себя. Она становится частью сети. Но она не исчезает. Она продолжает существовать - в каждом кусочке янтаря, в каждом дуновении ветра, в каждом шелесте листьев. Она становится вечной. Как лес. Как память. Как любовь.

Одна из главных тем третьей книги - сложность выбора. Алиса постоянно стоит перед дилеммами: спасти друга или завершить миссию? Вмешаться в реальность или позволить событиям идти своим чередом? Пожертвовать собой или сохранить свою человечность?

Каждый выбор имеет цену. И Алиса знает эту цену. Она видит последствия каждого своего решения. Она видит, как её вмешательство создаёт новые вероятностные ветви, в которых страдают другие люди. Она видит, как её жертва - это не только её собственная потеря, но и потеря для тех, кто её любит.

Но она продолжает выбирать. Потому что бездействие - это тоже выбор. И он тоже имеет последствия.

В этом смысле третья книга - это размышление о моральной ответственности. Что значит быть ответственным за свои действия? Как мы можем принимать решения, зная, что они могут причинить боль другим? Как мы можем жить с этим знанием?

Алиса находит свой ответ. Она выбирает любовь. Она выбирает защиту. Она выбирает служение. И хотя это не избавляет её от боли, это придаёт её жизни смысл.

И наконец, я хочу сказать несколько слов о тебе, мой читатель.

Ты прошёл со мной долгий путь. От первой страницы «Чёрного янтаря» до последней страницы «Балтийского Рубикона». Ты переживал вместе с Алисой, радовался её победам, скорбел о её потерях. Ты видел, как она росла, как она менялась, как она становилась тем, кем должна была стать.

Ты был с ней в Калининграде, в Архиве, в симуляции Кёнигсберга, в Готландской впадине. Ты стал частью этой истории. Без тебя эти книги были бы просто словами на бумаге. Ты даёшь им жизнь. Ты вкладываешь в них свои смыслы, свои эмоции, свой опыт.

Я надеюсь, что эта книга оставит в твоей душе след. Как янтарь оставляет след в моих героях. Что она заставит тебя задуматься о важных вещах. О любви. О жертве. О памяти. О том, что такое настоящая сила.

Пусть янтарь хранит тебя. Пусть свет всегда будет с тобой. И помни: ты тоже можешь стать тем, кем должна стать.

С любовью,

Анатолий Шигапов

Часть 1: Квантовый шторм

Алиса пришла в себя на скамейке. Это было первое, что она осознала - не где она, не кто она, не что произошло, а просто факт: она сидит на скамейке. Жёсткой, деревянной, выкрашенной зелёной краской, которая местами облупилась, обнажая серую, выветренную древесину. Солнце пригревало лицо, и это было странно, потому что она не помнила, когда в последний раз чувствовала солнечное тепло - не как информацию, не как данные о температуре и интенсивности излучения, а именно как тепло. Физическое. Реальное. Человеческое.

Вторым, что она осознала, был запах. Запах каштанов - густой, сладковатый, наполняющий воздух до краёв. И запах свежей выпечки, доносящийся откуда-то справа, из пекарни, судя по аромату дрожжевого теста и корицы. И запах реки - не затхлый, не гнилостный, а живой, водный, с лёгкой примесью водорослей и рыбы. И запах угольного дыма - едкий, но привычный, ввевшийся в самую ткань города. Все эти запахи были настоящими. Слишком настоящими.

Алиса открыла глаза. Она увидела небо - голубое, с лёгкими перистыми облаками, по которому плыло солнце. Увидела кроны каштанов, усыпанные белыми свечками цветов. Увидела мостовую, выложенную брусчаткой. Увидела трамвай - самый настоящий, старинный, с дугами, скользящими по проводам, и табличкой «Königsberg Schloß» на борту. И увидела людей. Мужчин в костюмах-тройках и шляпах. Женщин в длинных платьях и с зонтиками от солнца. Детей, бегущих за обручем. Все они были одеты по моде, которую Алиса видела только на старых фотографиях. По моде конца 1930-х годов.

Она опустила глаза и посмотрела на себя. На ней было платье - лёгкое, ситцевое, в мелкий цветочек, - какого она никогда в жизни не носила. На ногах - туфли на низком каблуке, стоптанные, но аккуратные. В руках - сумочка, маленькая, из потёртой кожи. Она открыла её. Внутри лежали носовой платок, несколько монет, помада - и удостоверение. «Anna Stern, Assistentin des Professors für Mineralogie an der Albertus-Universität Königsberg». Анна Штерн. Ассистентка профессора минералогии Кёнигсбергского университета Альбертина. С фотографией. Её фотографией.

Она помнила, кто она на самом деле. Помнила всё. Калининград. Чёрный янтарь. Архив. Перезагрузку. Гофмана. Марту. Барона. Эхо. Битву в параллельной реальности. Создание барьера между мирами. Она помнила каждую деталь, каждое лицо, каждую потерю. Она была Алисой Штерн, оператором Янтарной комнаты, стражем реальности. Но сейчас она была Анной Штерн, ассистенткой профессора, сидящей на скамейке в цветущем парке Кёнигсберга 1939 года. И это было неправильно. Это была симуляция. Но какая?

Она попыталась связаться с Матерью-Смолой - беззвучно, мысленно, как делала это тысячи раз. Ничего. Она попыталась почувствовать сеть - ту самую, частью которой она стала после Перегрузки. Ничего. Она попыталась активировать имплант - тот самый, который когда-то вживила себе в затылок. Никакого импланта не было. Её тело было обычным. Человеческим. Без мутации, без Крови Предтеч, без связи с лесом. Она была просто женщиной. В чужом времени. В чужой жизни.

И всё же это была симуляция. Она знала это. Знала по тому, как двигались люди - слишком плавно, слишком синхронно, как статисты в хорошо отрепетированном спектакле. Знала по тому, как свет падал на мостовую - слишком ровно, без случайных теней. Знала по тому, что, прислушавшись, она не слышала ничего за пределами нескольких кварталов - никакого далёкого шума, никакого ветра с моря. Симуляция была ограничена. Идеально детализированная, но ограниченная. Кто-то создал её. Кто-то запер её здесь. И она знала кто.

Гофман.

Алиса встала со скамейки и пошла по улице. Она не знала, куда идёт, - просто шла, пытаясь понять правила этого мира. Трамвай прогрехотал мимо, и она прочитала табличку на борту: «Königsberg Schloß». Королевский замок. Тот самый, который в её реальности был раз-

рушен бомбардировками, а затем восстановлен после схлопывания ветвей. Здесь он ещё стоял - она видела его шпили, возвышающиеся над крышами. Значит, симуляция воспроизводила Кёнигсберг до войны. До того, как всё изменилось.

Люди на улицах не обращали на неё внимания. Они жили своей жизнью - точнее, симулировали её. Они разговаривали друг с другом на немецком с лёгким прусским акцентом, смеялись, спорили, покупали газеты у крикливого мальчишки на углу. Газеты были настоящими. «Königsberger Allgemeine Zeitung», 15 мая 1939 года. Заголовки кричали о политическом кризисе, о напряжённости в Европе, о переговорах в Москве. Война ещё не началась, но её дыхание уже чувствовалось. Алиса купила газету - у неё были деньги, те самые монеты из сумочки, - и пролистала её. Всё было на месте: статьи, объявления, реклама, даже опечатки. Гофман постарался. Его симуляция была безупречной. Почти.

«Почти» - потому что Алиса чувствовала баги. Не логикой - интуицией. Той самой интуицией, которая не зависела от мутации и импланта. Она заметила, что часы на башне Кафедрального собора идут вспять - не сразу, а присмотревшись. Минутная стрелка двигалась против часовой. Она заметила, что в витрине одного из магазинов отражение не повторяло её движений - оно жило собственной жизнью, поворачивалось, когда она стояла неподвижно. Она заметила, что на окраине, где должен был быть Северный вокзал, пространство обрывалось - буквально. Там, где должны были быть пути и перрон, клубилась серая пелена, в которую было страшно смотреть. Симуляция была не бесконечна. Она ограничивалась старым городом - Кнайпхоф, Альтштадт, Лёбенихт, несколько прилегающих районов. За их пределами не было ничего. Только пустота.

Гофман смоделировал только Кёнигсберг. Потому что только этот город имел значение. Именно здесь, в этом городе, находилось то, что он искал. Но что? Какой момент истории он хотел изменить? И почему запер её здесь?

Алиса решила, что первый шаг - устроиться на работу. Удостоверение в сумочке было не случайным. Симуляция дала ей роль - ассистентки профессора минералогии, - и она должна была играть эту роль, пока не поймёт правила. Она нашла университет - тот самый корпус Альбертины, который знала по руинам из своего времени. Здесь он был новым, величественным, полным студентов и профессоров. Аудитории пахли мелом и книжной пылью. В коридорах висели портреты великих учёных - Канта, Гельмгольца, Бесселя. Всё было так, как она читала в книгах.

Её непосредственным начальником оказался профессор Густав фон Краузе - специалист по янтарным инклюзам. Он был пожилым, с усталыми глазами и странной привычкой говорить цитатами из Канта. Когда Алиса впервые вошла в его кабинет - маленький, заваленный книгами и образцами янтаря, - он поднял голову, посмотрел на неё и произнёс: «Звёздное небо надо мной и моральный закон во мне. Кант. Вы знакомы с его работами, фройляйн Штерн?» Она ответила, что знакома. Он кивнул и продолжил работу.

Алиса сразу поняла: он - не бот. Не часть симуляции. Он был слишком сложен для алгоритма. Слишком непредсказуем. Слишком... живой. Его глаза, хотя и усталые, светились умом. Его движения были чуть неуклюжими, как у человека, который провёл всю жизнь за книгами, а не в спортзале. Его голос, когда он говорил о янтаре, звучал с искренним энтузиазмом. Он был настоящим. Но кто он? Такой же пленник, как она? Или проекция самого Гофмана? Или что-то иное? Алиса не знала. Но она решила наблюдать за ним. Осторожно. Незаметно.

Дни шли за днями. Алиса работала в университете, помогала профессору фон Краузе с каталогизацией образцов янтаря, пила кофе в университетской столовой, гуляла по набережной Преголи. Она играла роль Анны Штерн - старательно, но не слишком, чтобы не вызывать подозрений. Она знала, что Гофман наблюдает за ней. Знала, что он где-то здесь, в этой симуляции, и ждёт, когда она сделает ошибку. Но она не собиралась делать ошибок. Она собиралась найти выход.

Постепенно она начала замечать закономерности. Симуляция реагировала на её действия. Когда она помогла пожилому еврейско-ювелиру на Лёбенихтштрассе - тому самому, которого какие-то хулиганы пытались ограбить, - город стал чуть ярче. Краски - насыщеннее. Солнце - теплее. Когда она прошла мимо плачущей женщины на мосту, сделав вид, что не заметила, небо затянуло тучами, и пошёл дождь. Это был не просто дождь. Это был ответ симуляции на её выбор. Симуляция оценивала её. Тестировала. Проверяла на человечность.

Алиса поняла: это не просто тюрьма. Это испытание. Гофман создал симуляцию не для того, чтобы запереть её, - хотя и для этого тоже. Он создал её, чтобы проверить. Чтобы понять, кто она такая. Чтобы найти её слабость. И, возможно, чтобы найти то, что искал сам. Узел реальности. Точку, где сходятся все вероятностные ветви. Точку, которую можно изменить - и тем самым изменить всё. Алиса не знала, где находится эта точка. Но она знала, что должна найти её раньше Гофмана. Иначе - конец.

Однажды ночью, когда Алиса сидела в своей маленькой квартире на Мюнцштрассе и просматривала заметки, которые делала в течение дня, в кресле у камина внезапно материализовалась фигура. Это был старик - сухонький, сторбленный, в ночном колпаке и с пледом на коленях. Он появился из ниоткуда, просто возник, как будто всегда там был. Алиса не испугалась. Она узнала его.

- Кант, - сказала она. - Или, точнее, проекция Архивариуса. Что вы здесь делаете?

- Я пришёл предупредить тебя, - ответил старик. Его голос был тихим, но отчётливым, с лёгким прусским акцентом. - Эта симуляция - не то, чем кажется. Гофман не создавал её. Он захватил её. Она была построена алхимиками Альбертины в 1904 году как убежище - место, где можно переждать катастрофу. Кальп вошёл в неё, чтобы больше никогда не вернуться. Гофман нашёл её и превратил в ловушку.

- Зачем? - спросила Алиса. - Что он ищет?

- Узел реальности, - ответил Кант-проекция. - Точку, где сходятся все вероятностные ветви Кёнигсберга. Эта точка - не человек. Это событие. Момент, когда Кальп, уже будучи внутри симуляции, понял, что совершил ошибку, и попытался уничтожить Комнату изнутри. Этот момент закольцован. Он повторяется раз в сутки. В заброшенной лаборатории под замком. Там ты найдёшь Кальпа. Он - ключ. Если ты поможешь ему завершить то, что он начал, ты сможешь вырваться. Если Гофман доберётся до него первым - всё пропало.

- Почему вы помогаете мне? - спросила Алиса.

Кант-проекция улыбнулся - печально, по-стариковски.

- Потому что ты - последняя надежда, - ответил он. - Не только этого мира. Всех миров. Ты уже спасала реальность. Теперь пришло время спасти симуляцию. Иди. Найди Кальпа. И поторопись. Гофман уже ищет его.

Фигура растаяла. Алиса осталась одна в тёмной комнате. Она знала, что делать.

На следующее утро Алиса проснулась рано, когда солнце ещё только начинало подниматься над крышами. Она лежала в постели, глядя в потолок, и думала о том, что сказал Кант-проекция. Кальп. Где-то здесь, в этой симуляции, заперт Теодор Кальп - человек, который создал Янтарную комнату и пытался её уничтожить. Человек, который провёл двести лет субъективного времени в бесконечной петле, пытаясь исправить свою ошибку. Она должна найти его. Должна помочь ему. Иначе всё пропало.

Она встала, умылась холодной водой из кувшина - в квартире не было водопровода, только старая фарфоровая раковина с трещиной, - и оделась. Платье, которое она носила, было ей неудобно - слишком тесное в плечах, слишком длинное, - но выбора не было. Она должна была играть роль. Она вышла на улицу и направилась к университету. Сегодня ей предстояло поговорить с профессором фон Краузе. Она хотела узнать у него о Кальпе - не прямо, а осторожно, наводящими вопросами. Но, прежде чем она дошла до университета, её остановили.

Двое мужчин в штатском - серые плащи, серые шляпы, серые лица - преградили ей путь. Они не были грубы, но их взгляды были холодными и оценивающими. Один из них показал удостоверение - гестапо. Тайная государственная полиция. Алиса почувствовала, как внутри всё холодеет. Она знала, что это симуляция. Знала, что эти люди - не настоящие. Но страх был настоящим. Инстинктивным. Животным.

- Фройляйн Штерн? - спросил первый. - Пройдёте с нами. У нас есть к вам несколько вопросов.

Алиса не сопротивлялась. Она знала, что в симуляции сопротивление бесполезно - алгоритм просто перезагрузит сцену. Она позволила им увести себя. Они привели её в небольшое здание на окраине Альтштадта, где располагался местный отдел гестапо. Её провели в кабинет - серый, унылый, с портретом Гитлера на стене и железным столом посередине. Посадили на стул. И начали задавать вопросы.

Они спрашивали о её работе в университете. О профессоре фон Краузе. О её интересе к янтарю. О её прошлом - откуда она родом, кто её родители, почему она говорит по-немецки с лёгким акцентом. Алиса отвечала осторожно, стараясь не противоречить легенде, которую симуляция создала для неё. Она была Анной Штерн, ассистенткой профессора. Она интересовалась минералогией с детства. Её акцент - потому что она выросла в Восточной Пруссии, недалеко от литовской границы. Всё это было ложью, но ложью правдоподобной.

Допрос длился несколько часов. Наконец, гестаповцы, кажется, удовлетворились её ответами. Они отпустили её, предупредив, что будут следить. Алиса вышла из здания на залитую солнцем улицу и глубоко вздохнула. Она прошла проверку. Но она знала: это было предупреждение. Гофман давал ей понять, что он контролирует всё. Что он может вмешаться в любой момент. Что она здесь - не гость, а пленница.

После допроса Алиса отправилась в университет. Профессор фон Краузе был в своём кабинете - как всегда, заваленном книгами и образцами. Он поднял голову, увидел её и, кажется, заметил что-то в её лице.

- Вы выглядите встревоженной, фройляйн Штерн, - сказал он. - Что-то случилось?

- Меня допрашивали в гестапо, - ответила она. - Спрашивали о моей работе. О вас.

Фон Краузе помрачнел. Он снял очки, протёр их платком и долго молчал.

- Это плохо, - сказал он наконец. - Очень плохо. В последнее время они интересуются всеми, кто работает с янтарём. Ищут что-то. Что-то, связанное с древними знаниями. С алхимией. С предсказаниями. Я пытаюсь держаться от этого подальше, но... - Он покачал головой. - Иногда это трудно.

- Что вы знаете о Теодоре Кальпе? - спросила Алиса.

Фон Краузе поднял брови.

- Кальп? Это имя из прошлого. Он работал здесь, в Альбертине, в конце прошлого века. Гениальный учёный. Но... с ним что-то случилось. Он исчез. Никто не знает, куда. Ходят слухи, что он проводил эксперименты с янтарём - опасные эксперименты, - и что-то пошло не так. Говорят, он сошёл с ума. Или умер. Или... - Он понизил голос. - Или его убили. Те, кто хотел завладеть его открытиями.

- Вы знаете, где находилась его лаборатория?

- Под замком, - ответил фон Краузе. - Там, в подземельях, он работал. Но вход туда запечатан. Никто не может попасть внутрь. Говорят, он использовал какой-то особый замок, который открывается только... - Он осёкся. - Только кровью. Кровью оператора. Но это всего лишь легенды.

Алиса кивнула. Она знала, что это не легенды. Она уже открывала подобную дверь - в Архиве, под Кафедральным собором. Она знала, что её кровь, её ДНК - ключ. И она знала, куда идти дальше.

Вернувшись в свою квартиру, Алиса начала готовиться к спуску в подземелья Королевского замка. Она знала, что Гофман следит за ней. Знала, что каждое её движение может быть замечено. Но у неё не было выбора. Она должна была найти Кальпа. Должна была опередить Гофмана.

Она достала из сумочки карту города - старую, потрёпанную, которую нашла в университетской библиотеке. На ней были отмечены подземные ходы, о которых знали немногие. Она изучила её, запомнила маршрут. Затем она переоделась в более практичную одежду - брюки и рубашку, которые нашла в шкафу, - и вышла из дома. Ночь опускалась на Кёнигсберг. Улицы пустыли. Где-то вдалеке лаяли собаки. Алиса шла к замку. К подземной лаборатории. К Кальпу.

Она не знала, что ждёт её там. Но она была готова ко всему.

Алиса шла по ночным улицам, и город вокруг неё преображался. Днём Кёнигсберг был живым, шумным, полным красок и звуков. Ночью он становился другим - тихим, настороженным, словно затаившим дыхание. Фонари отбрасывали на брусчатку жёлтые круги света. Где-то вдалеке слышался стук копыт - запоздалый извозчик возвращался домой. Где-то играла музыка - патефон в открытом окне. Всё это было иллюзией, симуляцией, но иллюзией настолько убедительной, что Алиса почти забывала об этом.

Она шла по Кнайпхофу, мимо Кафедрального собора. Его башни, подсвеченные луной, возвышались над островом, как стражи. Часы на башне показывали половину двенадцатого - и шли вспять. Алиса уже знала об этом баге, но всё равно поехала. Симуляция давала сбои. Она была несовершенна. И в этих несовершенствах был шанс. Она свернула на Лёбенихтштрассе и пошла вдоль реки. Вода в Прегеле была чёрной, маслянистой, и в ней отражались звёзды - настоящие или симулированные, она не знала. На мосту, том самом, где она днём прошла мимо плачущей женщины, сейчас было пусто. Только ветер гулял между перилами. Алиса остановилась на мгновение, глядя на воду. Она думала о том, что сказал Кант-проекция. Узел реальности. Кальп. Лаборатория под замком. Она должна найти его. Должна помочь ему. Иначе всё, ради чего она жила, всё, ради чего умирали её друзья, будет напрасно.

Она пошла дальше. Замок был уже близко.

Королевский замок возвышался над городом, как каменный исполин. Его башни, построенные ещё тевтонскими рыцарями, видели века - войны, пожары, коронации, казни. В реальности Алисы он был разрушен бомбардировками и восстановлен лишь после схлопывания ветвей. Здесь он был цел. Но цел ли он был внутри? Алиса подошла к служебному входу - тому самому, который использовали рабочие и прислуга. Дверь была заперта, но замок был старым, механическим. Алиса, вспомнив уроки Игоря, достала из сумочки шпильку - она предусмотрительно захватила её с собой - и через минуту замок поддался. Она скользнула внутрь. В замке было темно и тихо. Пахло пылью, старым деревом и чем-то ещё - едва уловимым, но знакомым. Нагретым янтарём. Значит, она на правильном пути.

Она спустилась в подвал, ориентируясь по карте, которую запомнила. Подвалы замка были лабиринтом - винтовые лестницы, сводчатые коридоры, залы, заваленные старыми ящиками и бочками. Она миновала винные погреба, где на стеллажах покоились покрытые пылью бутылки. Миновала оружейную, где на стенах висели ржавые мечи и доспехи. Миновала старую тюрьму, где ещё сохранились цепи и кандалы. И наконец, в самом дальнем конце подземелья, она нашла то, что искала. Стену из чёрного янтаря. Массивную, гладкую, без единого шва. Вход в лабораторию Кальпа.

Она приложила ладонь к камню. Он был тёплым - теплее, чем должен был быть. И он узнал её. Почувствовал её ДНК - ту самую мутацию, которую она унаследовала от предков. Стена дрогнула. Пошла трещинами. И рассыпалась, открывая проход. Алиса шагнула внутрь.

За стеной из чёрного янтаря оказалась лаборатория. Та самая, которую Кальп построил двести лет назад и в которой запер себя навсегда. Алиса ожидала увидеть пыль, запустение, следы времени. Но лаборатория выглядела так, словно её покинули только вчера. Реторты на

столах были чистыми. Колбы блестели. Манускрипты, разложенные на пюпитрах, были исписаны свежими чернилами. В воздухе стоял запах нагретого янтаря и ещё чего-то - озона, как после грозы.

В центре комнаты, в массивном кресле, подключённый к примитивной версии Пси-призмы, сидел человек. Он был молод - лет тридцати, не больше, - но выглядел измождённым. Его глаза, широко открытые, смотрели в пустоту. Его губы беззвучно шевелились, словно он вёл какой-то бесконечный внутренний диалог. Его пальцы, лежащие на подлокотниках, были скрючены, как когти. Это был Кальп. Не старый профессор с портретов, а молодой мужчина, который попал в ловушку времени и провёл в ней двести лет субъективного времени.

Алиса подошла ближе. Она чувствовала, как от Кальпа исходит энергия - та самая, которую она ощущала от «Мозга», от Матери-Смолы, от самой Комнаты. Он был подключён к сети. Он всё ещё вычислял. Всё ещё пытался найти способ избежать катастрофы. И всё ещё терпел неудачу.

- Кальп, - тихо позвала она. - Теодор Кальп. Вы слышите меня?

Он не ответил. Его глаза оставались пустыми. Алиса протянула руку, чтобы коснуться его плеча, но в этот момент он заговорил. Его голос был хриплым, надтреснутым, как у человека, который не говорил много лет.

- Не трогай, - произнёс он. - Если я остановлюсь, всё схлопнется. Я держу эту реальность. Я держу её уже двести лет. Если я отпущу - конец.

Алиса отдернула руку. Она поняла. Кальп был не просто пленником симуляции. Он был её ядром. Её оператором. Он держал эту реальность от распада - ценой собственного рассудка. И если она отключит его, не найдя другого способа, всё исчезнет. И она вместе с этим.

- Я здесь, чтобы помочь вам, - сказала она. - Я - Алиса Штерн. Оператор. Наследница. Я прошла через Архив. Я завершила Перезагрузку. Я знаю, что вы пытались сделать. Я могу помочь вам завершить это.

Кальп медленно, очень медленно повернул голову. Его глаза, до этого пустые, сфокусировались на ней.

- Алиса, - прошептал он. - Я видел тебя. Во сне. В симуляции. Ты - та, кто завершит начатое. Ты пришла. Я ждал тебя. Двести лет. Я знал, что ты придёшь.

И он улыбнулся - впервые за два столетия.

Глава 2: Город-призрак

Алиса покинула лабораторию под Королевским замком глубокой ночью, когда часы на башне Кафедрального собора, всё так же идущие вспять, показывали три часа пополудни. Кальп остался в своём кресле, подключённый к Пси-призме, - она не решилась отключить его, понимая, что это может разрушить всю симуляцию. Вместо этого она пообещала вернуться. Пообещала найти способ освободить его - не ценой коллапса реальности, а ценой завершения того, что он начал двести лет назад. Кальп, услышав это, снова улыбнулся - слабой, измученной улыбкой человека, который уже не верил в чудо, но всё ещё надеялся.

Теперь Алиса шла по пустынным улицам ночного Кёнигсберга, и её мысли были тяжелее, чем когда-либо. Она нашла Кальпа. Нашла узел реальности - тот самый, который искал Гофман. Но она не могла просто взять и изменить его. Это требовало времени, подготовки, знаний. Знаний, которых у неё пока не было. Она должна была понять, как работает эта симуляция. Должна была найти её слабые места. Должна была опередить Гофмана, который наверняка уже знал, что она была в лаборатории. Он следил за ней. Он всегда следил.

Она вернулась в свою квартиру на Мюнштрассе, когда небо на востоке уже начало сереть. Упала на кровать, не раздеваясь, и провалилась в сон - глубокий, без сновидений. Ей нужно было отдохнуть. Завтра начинался новый этап её расследования. Завтра она должна

была начать систематическое изучение этой реальности. Понять её законы. Найти баги. И использовать их.

На следующее утро Алиса отправилась в университет. Она решила, что лучший способ понять симуляцию - это погрузиться в неё. Играть роль Анны Штерн, ассистентки профессора минералогии, до конца. Посещать лекции, работать с образцами, общаться с коллегами. Слиться с окружением. Стать незаметной.

Университет Альбертина встретил её привычным шумом. Студенты спешили на занятия, профессора шествовали по коридорам в своих мантиях, пахло мелом и книжной пылью. Алиса поднялась на второй этаж, в кабинет профессора фон Краузе. Он уже был там - сидел за своим столом, склонившись над микроскопом, и изучал какой-то образец янтаря.

- Доброе утро, фройляйн Штерн, - произнёс он, не поднимая головы. - Вы сегодня рано. Плохо спали?

- Можно и так сказать, - ответила Алиса. - Профессор, я хотела бы задать вам несколько вопросов. О Кальпе. О его работе. О том, что он искал.

Фон Краузе оторвался от микроскопа и внимательно посмотрел на неё. Его глаза, обычно усталые, сейчас были острыми, оценивающими.

- Вы задаёте опасные вопросы, - сказал он. - Я уже говорил вам: гестапо интересуется теми, кто слишком много знает о Кальпе. Но... - Он помолчал. - Я вижу, что вы не отступитесь. Хорошо. Я расскажу вам то, что знаю. Но предупреждаю: это знание может быть опасным. Не только для вас - для всех нас.

Он встал, подошёл к книжному шкафу и достал с полки старую, потрёпанную папку.

- Это материалы, которые я собирал годами, - сказал он. - Кальп был не просто учёным. Он был алхимиком. Он искал философский камень - не в буквальном смысле, конечно. Он искал способ превратить информацию в материю. Вероятность в реальность. Мысль в действие. Он считал, что янтарь - ключ к этому. Что в нём записана вся история Земли. Всё, что было, и всё, что может быть. Он построил машину, которая могла читать эту запись. И не только читать - изменять её.

- Пси-призму, - сказала Алиса.

Фон Краузе удивлённо поднял брови.

- Вы знаете о ней? Откуда?

- Долгая история, - ответила Алиса. - Продолжайте.

- Он построил её, - продолжил профессор. - И она сработала. Он увидел будущее. Увидел войны, катастрофы, смерть. Он попытался изменить его - и потерпел неудачу. Его вмешательства только ухудшали ситуацию. В конце концов, он понял, что единственный способ остановить разрушение - это уничтожить саму машину. Но он не смог. Машина защищала себя. Она стала... живой. И тогда он запер себя вместе с ней. Где - никто не знает. Но ходят слухи, что его лаборатория находится где-то под замком. И что она до сих пор работает.

Алиса кивнула. Она знала, где находится лаборатория. Она была там прошлой ночью. Но она не могла сказать об этом фон Краузе. По крайней мере, пока.

- Спасибо, профессор, - сказала она. - Это очень ценная информация.

- Будьте осторожны, фройляйн Штерн, - ответил он. - Кальп был гением. Но его знания погубили его. Не повторяйте его судьбу.

После разговора с фон Краузе Алиса отправилась на прогулку по городу. Она решила составить карту багов - тех самых несостыковок, которые указывали на искусственность симуляции. Она уже знала о часах на башне Кафедрального собора, идущих вспять. Знала об отражении в витрине, которое жило собственной жизнью. Знала о серой пелене, ограничивающей симуляцию на окраинах. Но она подозревала, что есть и другие баги. Более тонкие. Более полезные.

Она начала с Кнайпхофа. Прошла по набережной, внимательно глядя по сторонам. На первый взгляд всё было идеально - дома, деревья, люди, - но, присмотревшись, она заметила странности. У одного из фонарей тень падала не в ту сторону, что у остальных. У одного из домов окна были расположены асимметрично - не так, как в реальности. У одной из женщин, шедшей по улице, на платье была пуговица, которая не отбрасывала тени. Мелочи. Крошечные ошибки в рендеринге. Но они указывали на то, что симуляция не была идеальной.

Она пошла дальше, в Альтштадт. Здесь баги были более заметны. На одной из улиц она увидела вывеску, которая меняла надпись каждый раз, когда она отворачивалась и снова смотрела на неё. «Väckerei» превращалось в «Väkkerei», потом в «Väckarei», потом снова в «Väckerei». Буквы мерцали, словно алгоритм не мог решить, как правильно. На другой улице она заметила кошку, которая сидела на подоконнике и вылизывала лапу. Движения кошки были идеальными - слишком идеальными. Они повторялись циклически, без вариаций. Через каждые тридцать секунд кошка начинала лизать лапу заново, с той же точки. Заикленная анимация. Баг.

Алиса записывала все эти наблюдения в маленький блокнот, который носила с собой. Она чувствовала, что эти баги могут пригодиться. Они были не просто ошибками - они были уязвимостями. Местами, где симуляция была нестабильна. Местами, через которые можно было попытаться вырваться.

Ближе к вечеру Алиса решила исследовать границы симуляции. Она села на трамвай, идущий к Северному вокзалу, - тот самый, который должен был находиться на окраине города. Трамвай был полупустым. Кроме неё, в вагоне ехали только пожилая женщина с корзиной и молодой человек в форме гитлерюгенда. Они не обращали на Алису внимания - они были ботами, частью симуляции. Трамвай ехал медленно, позвякивая на стыках рельсов. За окнами проплывали дома - сначала жилые, потом промышленные, потом всё более редкие. И наконец, когда трамвай подъехал к конечной остановке, Алиса увидела это.

Серая пелена. Она начиналась сразу за последними домами - не туман, не дымка, а именно пелена. Плотная, непроницаемая, колышущаяся, как поверхность воды. Она уходила вверх, насколько хватало глаз, и в ней не было ничего - ни звуков, ни движения, ни цвета. Только серый. Только пустота. Алиса вышла из трамвая и подошла ближе. Она остановилась в нескольких метрах от пелены, чувствуя, как от неё веет холодом - не физическим, а информационным. Эта пелена была границей симуляции. За ней ничего не было. Буквально ничего. Ни пространства, ни времени, ни вероятностей. Только пустота. Алиса протянула руку, чтобы коснуться её, - и отёрнула. Прикосновение к пелене было неприятным. Оно вызывало головокружение, тошноту, ощущение падения. Словно сама реальность отторгала её.

Она поняла: Гофман смоделировал только Кёнигсберг. Только этот город имел значение для его плана. За его пределами ничего не существовало. Симуляция была островом в океане пустоты. И где-то в этом острове, в его центре, был спрятан узел реальности. Кальп. Лаборатория. Момент, который можно изменить. Алиса развернулась и пошла обратно к трамваю. Она узнала достаточно. Теперь нужно было действовать.

Когда Алиса вернулась в центр города, она заметила, что за ней следят. Это был мужчина в сером плаще - один из тех, кто допрашивал её в гестапо. Он стоял на углу улицы, делая вид, что читает газету, но его глаза следили за каждым её движением. Алиса не показала вида, что заметила его. Она просто продолжала идти, сворачивая в переулки, делая крюк. Мужчина следовал за ней, держась на расстоянии.

Она поняла: Гофман знает. Знает, что она была в лаборатории. Знает, что она говорила с Кальпом. Знает, что она изучает баги симуляции. И он послал своих агентов, чтобы держать её под контролем. Алиса решила не провоцировать их. Она не была готова к открытому столкновению. Ей нужно было время - время, чтобы подготовиться, чтобы найти союзников, чтобы

разработать план. Она зашла в кафе, заказала чашку кофе и села за столик у окна. Мужчина в сером плаще остался на улице, прислонившись к фонарю. Он ждал.

Алиса пила кофе и думала. Она не могла вечно прятаться. Рано или поздно Гофман нанесёт удар. И она должна быть готова к этому. Но сначала - она должна была найти тех, кто не принадлежал симуляции. Тех, кто, как и она, был пленником. Тех, кто мог помочь.

Вечером, когда Алиса уже собиралась возвращаться домой, к ней подошёл человек. Он был одет в форму офицера вермахта, но держался не как военный - слишком расслабленно, слишком свободно. Его лицо было смутно знакомым, хотя Алиса не могла вспомнить, где она его видела.

- Фройляйн Штерн, - произнёс он, слегка поклонившись. - Позвольте представиться: капитан Эрих фон Лютцов. Я давно хотел с вами поговорить. С глаза на глаз. Без свидетелей.

- О чём? - спросила Алиса, насторожившись.

- О том, что этот мир - не настоящий, - ответил он. - И о том, что я знаю, кто вы на самом деле. Вы - не Анна Штерн. Вы - Алиса. Оператор. Страж. Я знаю это, потому что я тоже не тот, кем кажусь. Я - хранитель. Один из последних. Я был послан сюда, чтобы найти вас. И помочь вам.

Алиса долго смотрела на него, пытаясь понять, можно ли ему доверять. В симуляции, созданной Гофманом, любой мог оказаться ловушкой. Но что-то в глазах этого человека - усталых, но решительных, - говорило ей, что он не лжёт.

- Хорошо, - сказала она. - Пойдёмте. Здесь не место для разговоров.

Они пошли в её квартиру на Мюнцштрассе, где их никто не мог подслушать. Там, за закрытыми дверями, капитан фон Лютцов рассказал свою историю. Он был потомком одного из членов Круга Альбертины - тех самых, которые в 1904 году помогли Кальпу строить симуляцию. Его семья хранила тайну на протяжении поколений. Когда Гофман захватил симуляцию, он уничтожил почти всех, кто знал правду. Фон Лютцов был одним из немногих, кто выжил. Он скрывался, притворяясь обычным офицером, и ждал. Ждал, когда появится оператор. Когда появится Алиса.

- Я знаю, где находится узел реальности, - сказал он. - Я знаю, что Кальп всё ещё жив. Я знаю, что Гофман ищет его. Я могу помочь вам добраться до лаборатории. Но вы должны доверять мне.

Алиса кивнула.

- Я доверяю, - сказала она. - Рассказывайте всё, что знаете.

Эрих фон Лютцов говорил долго. Он рассказал Алисе историю, которую она частично уже знала, но которая теперь обретала новые детали. Кальп и его коллеги - те самые двенадцать хранителей, с которыми Алиса встречалась в Архиве, - создали симуляцию в 1904 году. Они понимали, что их эксперименты с Комнатой зашли слишком далеко. Что реальность начала трещать по швам. Что квантовый шторм, вызванный их вмешательствами, может уничтожить всё. Симуляция была убежищем - не для них самих, а для их знаний. Они хотели сохранить всё, что узнали, для будущих поколений. Для того, кто придёт после них и сможет исправить их ошибки.

Но что-то пошло не так. Симуляция, которая должна была быть пассивным хранилищем, стала активной. Она начала развиваться самостоятельно. Она породила собственных обитателей - не просто ботов, а существ, которые думали, что они настоящие. Кальп, осознав это, попытался уничтожить симуляцию. Но она защищала себя. Она заперла его внутри - в бесконечной петле, где он снова и снова переживал один и тот же момент: момент, когда он понял, что совершил ошибку. Момент, когда он попытался всё исправить. И не смог.

Гофман нашёл симуляцию много лет спустя. Он понял, что это - не просто хранилище знаний. Это - машина. Машина, способная переписывать реальность. Он захватил её, подчинил себе и начал использовать в своих целях. Но он не мог получить полный контроль, пока в

симуляции оставался Кальп. Кальп был ядром. Его сознание держало симуляцию от распада. Если бы Гофман уничтожил Кальпа, симуляция рухнула бы. А вместе с ней - и всё, что Гофман хотел получить. Поэтому он искал способ обойти Кальпа. Способ получить контроль над узлом реальности, не разрушая симуляцию. И он верил, что Алиса - ключ к этому.

- Почему я? - спросила Алиса. - Почему он не может сделать это сам?

- Потому что ты - оператор, - ответил фон Лютцов. - Ты связана с лесом. С Матерью-Смолой. С Предтечами. Твоя ДНК - ключ к Комнате. Гофман пытался создать искусственный ключ, но у него не получилось. Ты - единственная, кто может активировать узел реальности. Он хочет, чтобы ты сделала это - а затем он перехватит контроль. Использует тебя, как использовал всех.

Алиса задумалась. Это объясняло многое. Почему Гофман не убил её сразу. Почему он позволил ей свободно перемещаться по симуляции. Почему он следил за ней, но не вмешивался. Он ждал. Ждал, когда она приведёт его к Кальпу. Когда она активирует узел. И тогда он нанесёт удар.

- Мы должны опередить его, - сказала она. - Я должна найти Кальпа и завершить то, что он начал. Не дать Гофману захватить контроль. Но для этого мне нужна ваша помощь. Мне нужно знать всё, что вы знаете о симуляции. Все её слабые места. Все лазейки.

- Я расскажу, - ответил фон Лютцов. - Но сначала вы должны кое-что увидеть. Кое-что, что Гофман скрывает от всех. Даже от своих агентов.

Фон Лютцов привёл Алису в здание гестапо - то самое, где её допрашивали. Была глубокая ночь, и в коридорах было пусто. Они прошли мимо спящего дежурного, поднялись на второй этаж и вошли в архивную комнату. Здесь, среди стеллажей с папками, фон Лютцов показал ей то, что она не ожидала увидеть.

Это была карта. Не Кёнигсберга - всей Восточной Пруссии. И на ней были отмечены места, которые Алиса знала. Приморский карьер. Посёлок Янтарный. Куршская коса. Маяк. Все они были обведены красным. И рядом с каждым была надпись: «Янтарный объект. Охраняется. Доступ только с разрешения рейхсфюрера СС».

- Гофман не просто захватил симуляцию, - сказал фон Лютцов. - Он изменил её. В реальной истории нацисты интересовались янтарём, но не так глубоко. Здесь они знают о Комнате. Знают о чёрном янтаре. Знают о Кальпе. Гофман построил себя в их иерархию. Он - не просто адвокат, как вы думаете. Он - тайный советник Гиммлера. Он контролирует все исследования янтаря в рейхе. И он использует ресурсы СС для поисков узла реальности.

Алиса похолодела. Значит, враг был гораздо сильнее, чем она предполагала. У Гофмана была армия. У него была власть. У него был доступ к любым ресурсам. А у неё - только её знания и несколько союзников. Но она не собиралась сдаваться. Она прошла через слишком многое, чтобы отступить сейчас.

- Мы должны действовать быстро, - сказала она. - Гофман знает, что я была в лаборатории. Он знает, что я нашла Кальпа. Он нанесёт удар в любой момент. Мы должны опередить его.

- У меня есть план, - ответил фон Лютцов. - Но он опасен. Очень опасен.

- Рассказывайте, - сказала Алиса.

Фон Лютцов развернул на столе карту Кёнигсберга, на которой были отмечены подземные ходы, известные только посвящённым.

- Под замком есть сеть туннелей, - сказал он. - Они были построены ещё тевтонскими рыцарями, а затем расширены алхимиками Альбертины. Они соединяют замок с университетом, с Кафедральным собором, с несколькими старыми домами в городе. Гофман знает о них, но не знает всего. Есть один ход, о котором не знает никто, кроме моей семьи. Он ведёт прямо в лабораторию Кальпа. Мы можем проникнуть туда незаметно.

- Что потом? - спросила Алиса.

- Потом - вы, - ответил фон Лютцов. - Вы должны активировать узел реальности. Завершить то, что начал Кальп. Переписать код симуляции так, чтобы Гофман потерял над ней контроль. Это убьёт его - не физически, но информационно. Его сознание, запертое в этой реальности, будет стёрто. Навсегда.

- А что будет с Кальпом? - спросила Алиса.

Фон Лютцов помолчал.

- Кальп умрёт, - сказал он. - Он держал симуляцию двести лет. Если вы перепишите код, он больше не будет нужен. Симуляция станет стабильной сама по себе. Кальп... он сможет уйти. Умереть по-настоящему. Это то, чего он хочет. То, о чём он мечтал все эти годы.

Алиса вспомнила лицо Кальпа - измождённое, но умиротворённое, когда она пообещала ему помочь. Он действительно хотел умереть. Он заслужил покой. И она даст ему этот покой.

- Хорошо, - сказала она. - Когда мы начинаем?

- Завтра ночью, - ответил фон Лютцов. - Гофман будет занят - у него встреча с Гиммлером в Берлине, он покинет Кёнигсберг на сутки. Это наш единственный шанс. Если мы не воспользуемся им, другого может не быть.

Алиса кивнула. Завтра всё решится. Завтра она либо спасёт эту реальность, либо погибнет вместе с ней.

Алиса провела последнюю ночь перед операцией в своей квартире на Мюнцштрассе. Она не спала - слишком много мыслей крутилось в голове. Она думала о Кальпе. О том, что завтра он наконец-то обретёт покой после двухсот лет мучений. Думала о Гофмане. О том, что он где-то там, в Берлине, и не подозревает, что его план вот-вот рухнет. Думала о фон Лютцове. О том, можно ли ему доверять. Он казался искренним, но в симуляции, созданной Гофманом, ничто не было тем, чем казалось.

Она думала о своих друзьях. Об Ольге, Дмитриии, Эвальде, Алексее. О тех, кто остался в реальном мире. Она не знала, сколько времени прошло там - в симуляции время текло иначе. Может быть, часы. Может быть, дни. Может быть, годы. Она скучала по ним. Она хотела вернуться. И она вернётся. Чего бы это ни стоило.

Она достала из сумочки кусочек янтаря - тот самый, который нашла в лаборатории Кальпа. Он был маленьким, размером с горошину, и внутри него пульсировала крошечная золотая искра. Алиса сжала его в ладони и закрыла глаза. Она попыталась связаться с Матерью-Смолой - не через сеть, которой здесь не было, а через этот кусочек смолы. Через свою кровь. Через свою любовь.

И она почувствовала ответ. Слабый, едва уловимый, как далёкое эхо. Но он был. Мать-Смола была здесь. Она спала, но она была. И она ждала. Ждала, когда Алиса завершит начатое.

- Я завершу, - прошептала Алиса. - Обещаю.

Она убрала янтарь в карман и легла спать. Завтра её ждала битва. И она была готова.

Утро началось с дождя. Мелкого, морозящего, который затянул небо серой пеленой. Алиса проснулась рано, оделась в практичную одежду - брюки, рубашку, куртку, - и вышла из дома. Она не стала завтракать - аппетита не было. Она просто шла по улицам, запоминая их. Этот город, который был для неё тюрьмой, всё же стал чем-то большим. Он был прекрасен в своей обречённости. Он был свидетелем её борьбы.

Она встретилась с фон Лютцовом у входа в университет. Он был одет в гражданское - неприметный костюм, шляпа, надвинутая на глаза. Он выглядел напряжённым, но решительным.

- Всё готово, - сказал он. - Туннель открыт. Гофман в Берлине. Его агенты дезориентированы - я распустил слух, что вы покинули город. У нас есть несколько часов. Вы готовы?

- Готова, - ответила Алиса.

Они вошли в университет через служебный вход и спустились в подвал. Там, за старой деревянной дверью, скрытой за стеллажами с книгами, начинался туннель. Узкий, тёмный,

пахнувший плесенью и сыростью. Он уходил вглубь земли, туда, где ждал Кальп. Алиса шагнула в темноту. Фон Лютцов последовал за ней.

Глава 3: Тень Гофмана

Через два дня после того, как Алиса и фон Лютцов вернулись из подземной лаборатории Кальпа, в Кёнигсбергском университете состоялось заседание учёного совета. Это было рутинное мероприятие - обсуждались вопросы финансирования, распределения грантов, назначения на должности, - но Алиса, сидевшая в дальнем углу зала, чувствовала, что сегодня что-то произойдёт. Она не могла объяснить это рационально - просто интуиция, обострившаяся за годы сражений. Она знала: Гофман где-то рядом. Он наблюдает. Ждёт.

Зал заседаний был полон. Профессора в мантиях, ассистенты с блокнотами, несколько приглашённых гостей из Берлина - всего около сорока человек. Председательствовал ректор, сухонький старик с бакенбардами, который говорил монотонно и долго. Алиса почти не слушала его - она сканировала зал взглядом, пытаясь найти того, кто не принадлежал этому месту. И она нашла.

Он сидел в первом ряду, чуть слева от кафедры. Высокий, холёный, в безупречном костюме цвета тёмного графита. Его волосы были аккуратно зачёсаны назад, на висках пробивалась благородная седина. На галстук поблёскивала булавка - крошечный кусочек чёрного янтаря в платиновой оправе. Аркадий Гофман. Он выглядел точно так же, как при их последней встрече в параллельной реальности, - и в то же время иначе. Здесь, в симуляции, он был моложе. Энергичнее. Опаснее.

Он не смотрел на неё. Он слушал ректора, время от времени кивая, делая пометки в блокноте. Идеальный образец внимательного гостя. Но Алиса знала: он знает, что она здесь. Он чувствует её присутствие так же, как она чувствует его. Их взгляды встретились лишь однажды - на долю секунды, - и в его глазах она увидела то, что ожидала увидеть. Узнавание. Холодное, расчётливое, без тени удивления. Он ждал её. Он знал, что она придёт.

После заседания, когда профессора и ассистенты потянулись к выходу, Гофман подошёл к ней. Его движения были плавными, уверенными - движения человека, который привык контролировать всё вокруг себя.

- Фройляйн Штерн, - произнёс он, слегка склоняя голову в полупоклоне. - Аркадий Гофман, к вашим услугам. Я представляю интересы одной судоходной компании, но, помимо этого, интересуюсь янтарными исследованиями. Профессор фон Краузе очень лестно отзывался о вашей работе. Не согласитесь ли вы как-нибудь поужинать со мной? Я хотел бы обсудить с вами один проект. Сугубо научный, разумеется.

Алиса смотрела на него и думала: какую игру он ведёт? Почему не нападает? Почему не пытается схватить её, запереть, использовать? Ответ был очевиден: он хотел, чтобы она добровольно привела его к узлу реальности. Он знал, что силой от неё ничего не добьётся - она скорее умрёт, чем сдастся. Поэтому он играл в дипломатию. В сотрудничество. В научный интерес. Что ж, она могла подыграть ему.

- Почту за честь, герр Гофман, - ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. - Когда вам будет удобно?

- Сегодня вечером, - сказал он. - В ресторане «Блютгерихт», с видом на Замковый пруд. В восемь часов. Вас устроит?

- Вполне, - ответила Алиса.

Гофман улыбнулся - холодной, безжизненной улыбкой, - и удалился. Алиса осталась стоять в опустевшем зале, чувствуя, как сердце колотится где-то у горла. Она только что согласилась на встречу с самым опасным врагом, которого когда-либо знала. И она не знала, чем это закончится.

Весь оставшийся день Алиса провела в размышлениях. Она понимала, что ужин с Гофманом - это не просто светское мероприятие. Это будет битва. Не физическая - информационная. Гофман попытается манипулировать ею, запутать, переманить на свою сторону. Он будет использовать всю свою харизму, весь свой интеллект, всё своё знание человеческой психологии. Алиса должна была быть готова к этому.

Она встретилась с фон Лютцовом в их обычном месте - маленьком кафе на Кнайпхофе, где они могли говорить, не опасаясь подслушивания. Капитан, узнав о приглашении, помрачнел.

- Это ловушка, - сказал он. - Гофман не приглашает на ужин просто так. Он что-то задумал.

- Я знаю, - ответила Алиса. - Но я должна пойти. Если я откажусь, он поймёт, что я боюсь его. А страх - это то, что ему нужно. Он питается страхом. Я должна показать ему, что не боюсь. Что я готова к диалогу. Что я сильнее, чем он думает.

- Он опасен, - предупредил фон Лютцов. - Он знает о вас всё. Он знает о вашей мутации, о вашей связи с лесом, о вашей миссии. Он может попытаться использовать это против вас.

- Я знаю, - повторила Алиса. - Но у меня есть преимущество. Он не знает, что я знаю о нём. Он не знает, что я была в лаборатории Кальпа. Он не знает, что я нашла узел реальности. Он думает, что я всё ещё ищу. И я должна поддерживать эту иллюзию. Дать ему то, что он хочет - видимость сотрудничества, - чтобы выиграть время.

Фон Лютцов неохотно согласился. Они разработали план: Алиса пойдёт на ужин одна, но фон Лютцов будет ждать снаружи, готовый вмешаться в случае необходимости. Если Гофман попытается схватить её, капитан поднимет тревогу - у него были связи в местном гарнизоне, которые могли помочь. Это был слабый план, но другого у них не было.

Ресторан «Блютгерихт» располагался в старинном здании на берегу Замкового пруда. Его окна выходили прямо на воду, и в лучах заходящего солнца пруд казался золотым. Внутри было роскошно - хрустальные люстры, белоснежные скатерти, официанты в ливреях. Публика была соответствующая: офицеры вермахта, богатые коммерсанты, дамы в вечерних платьях. Алиса, одетая в скромное, но элегантное платье, чувствовала себя неуютно в этом окружении. Она привыкла к другой жизни - к боям, к погоням, к подземельям. Роскошь была ей чужда.

Гофман уже ждал её. Он сидел за столиком у окна, с бокалом вина в руке, и смотрел на закат. Увидев Алису, он встал и поклонился - на этот раз без иронии, почти почтительно.

- Фройляйн Штерн, - произнёс он. - Вы прекрасно выглядите. Прошу, садитесь. Я взял на себя смелость заказать ужин. Надеюсь, вы не против.

Алиса села напротив него. Она старалась держаться спокойно, но внутри всё было напряжено до предела. Гофман, казалось, наслаждался её дискомфортом. Он говорил о пустяках - о погоде, о вине, о красотах Кёнигсберга, - но в каждом его слове чувствовался подтекст. Он прощупывал её. Искал слабые места.

Наконец, когда подали горячее - жареную форель с лимоном, - он перешёл к делу.

- Вы, должно быть, задаётесь вопросом, зачем я пригласил вас сюда, - сказал он, отпивая вино. - Ответ прост: я хочу предложить вам сотрудничество. Я знаю, кто вы, Алиса. Я знаю, что вы - не Анна Штерн. Я знаю, что вы - оператор. Страж. Наследница Кальпа. Я знаю о вашей миссии - защищать реальность. И я знаю, что вы застряли в этой симуляции так же, как и я.

Алиса не показала удивления. Она ожидала этого.

- И что же вы предлагаете? - спросила она.

- Объединить усилия, - ответил Гофман. - Эта симуляция - ловушка. Кальп создал её, чтобы запечатать Комнату, и теперь мы оба - её пленники. Но вместе мы можем выбраться. Вместе мы можем найти узел реальности и изменить его. Вернуться домой. В свои реальности. Разве вы этого не хотите?

- А что взамен? - спросила Алиса. - Что вы хотите получить?

Гофман улыбнулся.

- То же, что и вы, - сказал он. - Свободу. Но также - знания. Калып оставил здесь свои записи. Свои открытия. Я хочу получить к ним доступ. Хочу понять, как он создал эту симуляцию. Как он управлял вероятностями. Как он мог бы изменить историю. Эти знания могут спасти миллионы жизней. Предотвратить войну, которая скоро начнётся. Разве это не благородная цель?

Алиса слушала его и чувствовала, как внутри закипает гнев. Он говорил о благородстве, о спасении жизней, но она знала, что скрывается за этими словами. Власть. Контроль. Тирания. Те же самые лозунги, которые он использовал в её реальности, когда создавал «Балтийский ИИ» и «Колыбель». Он не изменился. Он просто стал осторожнее.

- Я не верю вам, - сказала она. - Вы не хотите никого спасти. Вы хотите власти. Вы хотите стать богом. Вы уже пытались это сделать - в моей реальности, в параллельной. И оба раза потерпели крах. Что заставляет вас думать, что здесь у вас получится?

Лицо Гофмана на мгновение исказилось - тень гнева мелькнула и исчезла. Но он быстро взял себя в руки.

- Вы не понимаете, - произнёс он, и его голос стал тише, вкрадчивее. - В других реальностях я действовал один. Здесь - нет. Здесь у меня есть ресурсы. Связи. Армия. Я не просто адвокат, Алиса. Я - тайный советник рейхсфюрера СС. Я контролирую все исследования янтаря в Третьем рейхе. Я могу дать вам то, чего у вас никогда не было: власть, защиту, возможность изменить мир к лучшему. Вы только представьте: вместе мы можем предотвратить войну. Спасти миллионы жизней. Построить новый мир - без страданий, без несправедливости, без смерти. Разве это не то, чего вы хотите?

- Это то, чего хотите вы, - ответила Алиса. - Но вашими методами. А ваши методы - это убийство, манипуляция, контроль. Я не стану частью этого. Никогда.

Гофман долго смотрел на неё. Затем откинулся на спинку стула и рассмеялся - холодным, безжизненным смехом.

- Что ж, - сказал он. - Я ожидал такого ответа. Вы предсказуемы, Алиса. Всегда были предсказуемы. Что ж, если вы не хотите быть моим партнёром, вы будете моим инструментом. Добровольно или нет - решать вам.

Он щёлкнул пальцами. Двое мужчин в штатском, которые сидели за соседним столиком, встали и подошли к ним. Агенты гестапо. Алиса поняла: это была ловушка. Гофман с самого начала не собирался вести переговоры. Он просто хотел убедиться, что она не согласится. И теперь, когда он получил подтверждение, он перешёл к плану Б.

- Проводите фройляйн Штерн в её апартаменты, - приказал он. - Она будет нашей гостьей. На неопределённый срок.

Алиса не стала сопротивляться. Она знала, что в ресторане, полном людей, это бессмысленно. Она позволила агентам вывести её из зала - мимо официантов, мимо гостей, которые ничего не заметили, - и посадить в машину. Но как только машина тронулась, она начала действовать. Она использовала приём, которому её научила Ольга: резкий удар локтем в горло первому агенту, затем захват его оружия, выстрел во второго. Всё произошло за несколько секунд. Машина вильнула, врезалась в фонарный столб. Алиса выбила дверь и выскочила наружу.

Фон Лютцов, который следил за рестораном, уже был рядом. Он помог ей скрыться в переулках, прежде чем прибыло подкрепление. Они бежали по ночному Кёнигсбергу, петляя между домами, уходя от погони. Алиса знала: теперь она в розыске. Гофман объявит её врагом рейха. Её фотография будет висеть на каждом углу. Но это не имело значения. Она сделала свой выбор. И она не жалела.

Позже, когда они отсиживались в убежище фон Лютцова - маленькой квартире на окраине, о которой не знали даже его сослуживцы, - Алиса получила сообщение. Его принёс маль-

чишка-посыльный, который не знал, от кого оно. В конверте был листок бумаги, исписанный знакомым каллиграфическим почерком.

«Дорогая Алиса. Я разочарован. Я надеялся, что вы окажетесь мудрее. Но вы выбрали путь конфронтации. Что ж, пусть будет так. С этого момента мы - враги. Но даже у врагов есть правила. Я предлагаю вам игру. Эта симуляция - поле битвы. В её центре находится узел реальности - точка, где сходятся все вероятностные ветви Кёнигсберга 1939 года. Тот, кто первым найдёт эту точку и активирует её, получит контроль над Комнатой. Узел спрятан в сознании человека, который ещё жив здесь, но умрёт в реальной истории через несколько месяцев. Найдите его. Защитите его. Или убейте - это ваш выбор. Я тоже буду искать. И когда я найду его первым - а я найду, - я перепису реальность так, что вы никогда не рождались. Ставки сделаны. Игра началась. Ваш враг и, надеюсь, будущий победитель, А. Гофман».

Алиса прочитала письмо несколько раз. Она понимала: это не просто угроза. Это вызов. Гофман давал ей шанс - не из благородства, а из спортивного интереса. Он хотел победить её в честной игре. Потому что победа, добытая хитростью, не принесла бы ему удовлетворения. Он хотел доказать, что он умнее, сильнее, достойнее. Что он - истинный оператор, а она - лишь ошибка эволюции.

- Что вы будете делать? - спросил фон Лютцов, прочитав письмо через её плечо.

- Играть, - ответила Алиса. - По его правилам. Но выиграю по своим.

После получения письма Алиса и фон Лютцов провели остаток ночи за анализом ситуации. Они сидели в тускло освещённой комнате, разложив на столе карты, записи и то, что капитан называл «разведывательными данными» - сведения, которые он собирал месяцами, работая в гестапо под прикрытием.

- Гофман упомянул человека, - сказала Алиса. - «Узел спрятан в сознании человека, который ещё жив здесь, но умрёт в реальной истории через несколько месяцев». Это значит, что мы ищем конкретную личность. Кого-то, кто умрёт в конце 1939 или начале 1940 года. Кого-то, чья смерть изменила ход истории.

- Таких людей десятки, - ответил фон Лютцов. - В одном только Кёнигсберге. Военные, политики, учёные, журналисты. Каждый из них - потенциальный кандидат. Как мы узнаем, кто именно?

- Мы должны сузить круг, - сказала Алиса. - Гофман сказал, что узел - это точка, где сходятся все вероятностные ветви. Значит, этот человек должен быть как-то связан с янтарём. С Комнатой. С Кальпом. Возможно, он даже не подозревает об этом. Возможно, его связь с узлом - случайность, результат стечения обстоятельств. Но она есть. И мы должны её найти.

Они начали составлять список. В него вошли все, кто имел отношение к янтарию, к университету Альбертины, к секретным исследованиям СС, к алхимическим обществам. Дипломаты, которые вели переговоры о судьбе Восточной Пруссии. Журналисты, которые писали о странных событиях в городе. Офицеры вермахта, участвовавшие в заговоре против Гитлера. Учёные, работавшие над атомным проектом. Еврейские торговцы янтарём, чьи коллекции были конфискованы нацистами. Все они были потенциальными носителями узла. Список получился длинным - больше сорока имён. Алиса понимала, что проверить каждого в одиночку невозможно. Ей нужны были союзники. И она знала, к кому обратиться.

На следующий день Алиса встретила с профессором фон Краузе. Она пришла в его кабинет поздно вечером, когда университет уже опустел, и рассказала ему правду. Не всю - только то, что он мог принять. Она рассказала, что она - не Анна Штерн, а оператор из будущего. Что Гофман - её враг, который хочет захватить контроль над реальностью. Что Кальп всё ещё жив, заперт в подземной лаборатории. И что она нуждается в помощи.

Фон Краузе слушал её молча. Его лицо, обычно бесстрастное, выражало сложную гамму чувств - удивление, недоверие, страх, любопытство. Когда она закончила, он долго молчал, глядя в окно на ночной Кёнигсберг.

- Я знал, что вы не та, за кого себя выдаёте, - сказал он наконец. - Я чувствовал это с первого дня. В вас есть что-то... не от мира сего. Что-то, что я не мог объяснить. Теперь я понимаю. Вы - оператор. Та самая, о которой писал Кальп в своих дневниках. Та, которая придёт, чтобы завершить начатое.

- Вы читали дневники Кальпа? - спросила Алиса.

- Читал, - ответил фон Краузе. - Не все - только фрагменты, которые сохранились в университетской библиотеке. Кальп был гением. Но он был также безумцем. Он верил, что янтарь может хранить информацию. Что с его помощью можно видеть прошлое и будущее. Что можно изменить реальность. Я считал это фантазиями. До сегодняшнего дня.

- Это не фантазии, - сказала Алиса. - Это правда. И теперь мне нужна ваша помощь. Мне нужно найти человека - одного из сорока, - который является ключом ко всему. Без вас я не справлюсь.

Фон Краузе кивнул.

- Я помогу, - сказал он. - Не потому, что верю во всё это. А потому, что вы - моя ассистентка. И потому, что я доверяю своей интуиции. Она подсказывает мне, что вы говорите правду. Я свяжусь с моими коллегами - историками, архивистами, библиотекарями. Мы проверим каждого из вашего списка. Но вы должны быть осторожны. Гофман везде. У него глаза и уши по всему городу. Один неверный шаг - и вы окажетесь в гестапо. И на этот раз вам не сбежать.

Алиса поблагодарила его и ушла. Теперь у неё были союзники. Не только фон Лютцов, но и профессор, и его сеть контактов. Вместе они могли сделать то, что не под силу одному. Вместе они могли найти узел реальности. И защитить его.

Прошла неделя. Команда фон Краузе работала круглосуточно - проверяла архивы, опрашивала свидетелей, анализировала документы. Список из сорока имён постепенно сокращался. Одни кандидаты отпадали, потому что не имели отношения к янтарю. Другие - потому что их смерть не могла изменить ход истории. Третьи - потому что они были слишком молоды или слишком стары, чтобы быть носителями узла. В конце концов, осталось пять имён. Пять человек, которые могли быть ключом. И Алиса должна была встретиться с каждым из них, чтобы понять, кто из них - настоящий.

Первым был дипломат - пожилой аристократ, который вёл секретные переговоры с британцами о возможном мире. Он был связан с янтарём через свою семью - его предки владели крупнейшими месторождениями в Восточной Пруссии. Алиса встретила с ним на светском приёме и поговорила несколько минут. Она сразу поняла: это не он. В его ауре не было ничего необычного. Он был просто человеком.

Вторым был журналист - молодой, амбициозный, который писал разоблачительные статьи о коррупции в СС. Он интересовался янтарём как журналист, но не как учёный. Алиса поговорила с ним в кафе - и снова ничего. Третьим был офицер вермахта - участник заговора против Гитлера, который должен был погибнуть при провале покушения. Алиса встретила с ним на военном параде. Он был напряжён, испуган, но в его ауре не было того, что она искала.

Четвёртым был еврейский торговец янтарём, чью коллекцию конфисковали нацисты. Алиса нашла его в гетто, куда его переселили после того, как отобрали бизнес. Он был стар, болен и сломлен. Она поговорила с ним - и снова ничего.

Оставался последний. Пятый. И когда Алиса прочитала его имя в списке, она похолодела. Генрих Шталь. Почтальон. Тот самый, которого она спасла в своей реальности, изменив симуляцию Марты. Тот самый, который в оригинальной истории погиб 8 апреля 1945 года, не доставив приказ о капитуляции. Здесь, в этой симуляции, он был ещё жив. И он был связан с янтарём - не через знания, не через деньги, а через судьбу. Его жизнь была точкой бифуркации. Его смерть - или спасение - меняла ход истории. И Гофман, должно быть, уже знал это. Алиса поняла: она должна найти Шталя. И защитить его. Любой ценой.

Найти Генриха Штала в Кёнигсберге 1939 года оказалось непростой задачей. В реальной истории он был обычным почтальоном - незаметным, скромным, не оставившим после себя почти никаких следов, кроме записи о смерти в апреле 1945 года. Но здесь, в симуляции, он был жив, молод и, возможно, даже не подозревал о той роли, которую ему предстояло сыграть. Алиса и фон Лютцов провели несколько дней, разыскивая его. Они проверили почтовые отделения, архивы, списки жильцов. Наконец, им удалось найти адрес: маленькая квартира в рабочем районе, недалеко от порта.

Алиса отправилась туда одна - она не хотела подвергать фон Лютцова лишнему риску. Она поднялась по скрипучей лестнице на третий этаж и постучала в дверь. Ей открыл мужчина лет тридцати - худощавый, с усталыми глазами и добрым лицом. Он был одет в старую, но чистую рубашку и держал в руке книгу - кажется, это был томик стихов Рильке. Алиса сразу поняла: это он. В его ауре было что-то особенное. Не яркое, не бросающееся в глаза, но... значительное. Словно вокруг него сплетались вероятностные нити.

- Чем могу помочь? - спросил он.

- Меня зовут Анна Штерн, - ответила Алиса. - Я ассистентка профессора минералогии. Я провожу исследование о людях, чьи профессии связаны с коммуникациями. Могу я задать вам несколько вопросов?

Шталь пожал плечами и пригласил её войти. Они проговорили около часа. Алиса задавала ему невинные вопросы - о его работе, о его жизни, о его мечтах. Он отвечал охотно, хотя и с некоторым удивлением - никто никогда не интересовался его персоной. Он рассказал, что работает почтальоном уже десять лет. Что любит свою работу, хотя она и не приносит больших денег. Что мечтает когда-нибудь написать книгу - сборник рассказов о людях, которым он доставлял письма. Что у него есть невеста, и они планируют пожениться следующей весной. Алиса слушала его и чувствовала, как её сердце сжимается. Этот человек не знал, что через несколько лет его убьют. Что его смерть - или спасение - изменит историю. Что он - ключ ко всему.

Она не стала говорить ему правду. Не сейчас. Вместо этого она поблагодарила его за беседу и ушла. Но перед уходом она незаметно оставила в его квартире маленький кусочек янтаря - тот самый, из лаборатории Кальпа. Как амулет. Как защиту. Как маяк, который позволит ей следить за ним. Шталь был найден. Теперь нужно было защитить его. И не дать Гофману добраться до него первым.

Когда Алиса вернулась в убежище, её ждал фон Лютцов. Он был мрачнее тучи.

- Гофман знает, - сказал он. - Он знает о Штале. Мои источники в гестапо сообщили, что сегодня утром он отправил группу агентов в портовый район. Они ищут почтальона. У нас мало времени.

Алиса похолодела. Она надеялась, что у неё будет больше времени. Что она сможет подготовиться. Но Гофман действовал быстрее. Всегда быстрее.

- Мы должны опередить его, - сказала она. - Должны добраться до Штала раньше, чем агенты. И увезти его в безопасное место.

- Куда? - спросил фон Лютцов. - В этом городе нет безопасных мест. Гофман контролирует всё.

- Есть одно, - ответила Алиса. - Лаборатория Кальпа. Под замком. Гофман не знает о ней - точнее, знает, но не может войти. Там Шталь будет в безопасности. По крайней мере, на время. Фон Лютцов кивнул. Они начали действовать.

Глава 4: Ключевые фигуры

Алиса и фон Лютцов покинули убежище немедленно. Времени на раздумья не осталось - Гофман уже отправил своих агентов в портовый район, и если они доберутся до Штала раньше, всё будет кончено. Они бежали по ночным улицам Кёнигсберга, петляя между домами, уходя

от патрулей. Алиса чувствовала, как адреналин бурлит в крови. Это было знакомое ощущение - ощущение опасности, которое она испытывала сотни раз в своей реальности. Но здесь, в симуляции, оно было другим. Более острым. Более реальным. Потому что здесь она была уязвима. Без мутации, без импланта, без связи с лесом. Просто человек. Просто женщина, которая пыталась спасти другого человека.

Они добрались до портового района через двадцать минут. Улицы здесь были узкими, грязными, плохо освещёнными. Пахло рыбой, соляжкой и гниющими водорослями. Вдалеке гудели корабельные сирены. Алиса знала адрес Шталя - она выучила его наизусть, - и вела фон Лютцова через лабиринт переулков. Когда они подошли к дому, то увидели то, чего боялись: у подъезда стоял чёрный автомобиль. Агенты гестапо были уже здесь.

- Опоздали, - прошептал фон Лютцов.

- Ещё нет, - ответила Алиса. - Они только вошли. У нас есть несколько минут.

Они обогнули дом с тыльной стороны и нашли пожарную лестницу. Алиса полезла первой, цепляясь за ржавые перекладки. Фон Лютцов следовал за ней. Они поднялись на третий этаж и через открытое окно проникли в квартиру Шталя. Внутри было темно и тихо. Слишком тихо. Алиса двинулась вперёд, стараясь не шуметь, и в этот момент услышала голоса. Агенты были в соседней комнате. Они допрашивали Шталя. Его голос, испуганный, дрожащий, доносился через стену. «Я не знаю никакой Штерн! Я простой почтальон! Отпустите меня!»

Алиса поняла: ещё минута - и они уведут его. Или убьют. Нужно было действовать. Она выхватила пистолет - тот самый, который забрала у агента во время побега из ресторана, - и бросилась в комнату. Двое агентов стояли спиной к ней. Она выстрелила - не в них, а в лампу над их головами. Лампа взорвалась, осыпав комнату стеклянным дождём. Агенты пригнулись, закрывая лица руками. Этого мгновения хватило. Алиса схватила Шталя за руку и потащила к выходу. Фон Лютцов прикрывал их, держа агентов на прицеле.

Они выбежали на лестницу, спустились вниз, выскочили на улицу. Позади слышались крики, топот, выстрелы. Но они уже были в переулке, в темноте, в безопасности. По крайней мере, на время.

Они привели Шталя в лабораторию Кальпа - ту самую, под Королевским замком. Это было единственное место, куда Гофман не мог войти. Стена из чёрного янтаря, которую Алиса открыла своей кровью, снова запечаталась за ними, отрезав их от внешнего мира. Здесь, в тусклом свете алхимических ламп, среди реторт и манускриптов, они были в безопасности. По крайней мере, пока.

Шталь был напуган и растерян. Он не понимал, что происходит. Кто эти люди? Почему они спасли его? Почему гестапо охотится за ним? Алиса попыталась объяснить - не всё, только то, что он мог принять. Она сказала, что он - особенный человек. Что его жизнь важна для будущего. Что есть люди, которые хотят использовать его, и люди, которые хотят защитить. Шталь слушал, и его глаза расширялись от ужаса. Он был простым почтальоном. Он не просил такой судьбы. Но судьба выбрала его.

Кальп, всё ещё подключённый к Пси-призме, не реагировал на происходящее. Он был погружён в свой бесконечный цикл вычислений. Но Алиса заметила, что когда Шталь вошёл в лабораторию, что-то изменилось. Свечение призмы стало ярче. Ритм пульсации ускорился. Кальп, казалось, почувствовал присутствие гостя. Может быть, он знал, кто такой Шталь. Может быть, он ждал его. Алиса решила, что позже поговорит с Кальпом. Но сначала нужно было обеспечить безопасность.

Фон Лютцов остался охранять вход. Алиса села рядом со Шталем и начала задавать ему вопросы. Не о его работе или жизни - о его прошлом. О его семье. О его предках. Она хотела понять, почему узел реальности оказался спрятан именно в нём. И постепенно, из обрывочных ответов, начала вырисовываться картина. Дед Шталя работал на янтарных копиях в Пальмни-кене. Его отец был часовщиком - тем самым, который чинил часы на башне Кафедрального

собора, те самые, что теперь шли вспять. Сам Шталь, ещё мальчиком, нашёл на пляже необычный кусочек янтаря - чёрный, тяжёлый, тёплый на ощупь, - и хранил его как талисман. Он не знал, что это такое. Но Алиса знала. Это был фрагмент Комнаты. Тот самый, который Кальп спрятал двести лет назад. Тот самый, который каким-то образом оказался у Шталя. И который сделал его ключом.

Дни в лаборатории тянулись медленно. Алиса, фон Лютцов и Шталь жили как отшельники, питаясь запасами, которые капитан предусмотрительно принёс с собой. Кальп продолжал свои вычисления, не реагируя на них. Алиса несколько раз пыталась говорить с ним, но он был слишком глубоко в трансе. Только один раз, когда она коснулась его плеча, он вздрогнул и прошептал: «Ты нашла его. Почтальона. Береги его. Он - ключ. Если он умрёт, всё рухнет». Затем снова погрузился в молчание.

Алиса использовала это время, чтобы лучше понять Шталя. Она проводила с ним долгие часы, разговаривая о жизни, о судьбе, о выборе. Она рассказала ему о своей реальности - не всё, но достаточно, чтобы он понял. О войне, которая скоро начнётся. О миллионах людей, которые погибнут. О том, что его жизнь может изменить ход истории. Шталь слушал, и в его глазах боролись страх и решимость. Он не хотел быть героем. Он хотел просто жить. Жениться на своей невесте. Работать почтальоном. Писать рассказы. Но он понимал: у него нет выбора. Судьба выбрала его.

Однажды, когда Алиса вышла из лаборатории, чтобы разведать обстановку - фон Лютцов сообщил, что агенты Гофмана всё ещё ищут их, - она стала свидетелем сцены, которая заставила её задуматься. На Лёбенихтштрассе, у старой синагоги, группа штурмовиков избивала пожилого еврея. Алиса видела это много раз в своей реальности - в книгах, в фильмах, в исторических хрониках. Но видеть это своими глазами было невыносимо. Она хотела вмешаться. Она могла бы - у неё было оружие, у неё была подготовка. Но она знала: симуляция оценивает каждый её выбор. Если она вмешается, это может привлечь внимание Гофмана. Может поставить под угрозу миссию. Может стоить жизни Шталя.

И она прошла мимо. Сстиснув зубы, сжав кулаки, чувствуя, как слёзы жгут глаза. Она прошла мимо. И когда она это сделала, небо над Кёнигсбергом затянуло тучами, хотя ещё минуту назад было ясным. Симуляция отреагировала на её выбор. На её бездействие. На её трусость - или благоразумие, она не знала, как это назвать. Она вернулась в лабораторию с тяжёлым сердцем. Она понимала: это испытание. Гофман проверяет её. Смотрит, на что она готова пойти ради миссии. И она не знала, прошла ли она этот тест или провалила.

Пока Алиса скрывалась в лаборатории, профессор фон Краузе и его команда продолжали работать. Они проверяли остальных кандидатов из списка - тех, кто не был Шталем, но всё ещё мог быть связан с узлом реальности. Алиса поддерживала связь с профессором через фон Лютцова, который периодически выбирался в город. И однажды он принёс тревожные новости.

- Гофман не остановился на Штале, - сказал он. - Он тоже ищет. И он нашёл нескольких кандидатов. Он допрашивает их. Некоторых - с пристрастием. Одного из них - дипломата, которого вы встречали, - нашли мёртвым сегодня утром. Официальная версия - самоубийство. Но мы знаем, что это не так.

Алиса похолодела. Гофман начал убивать. Он не искал узел реальности - он уничтожал всех, кто мог быть им. Его стратегия была проста: если убить всех кандидатов, узел останется только у того, кто выживет. У Шталя. И тогда Гофман сможет найти его и захватить.

- Мы должны защитить остальных, - сказала Алиса. - Тех, кто ещё жив. Мы не можем допустить, чтобы Гофман убил их всех.

- Как? - спросил фон Лютцов. - У нас нет ресурсов, чтобы спрятать каждого. У нас едва хватает сил, чтобы защищать Шталя.

Алиса задумалась. Она вспомнила, как симуляция реагировала на её действия. Как город становился ярче, когда она помогала людям, и темнел, когда она проходила мимо. Может быть,

в этом был ключ. Может быть, нужно было не прятать кандидатов, а делать что-то другое. Что-то, что изменит саму симуляцию. Она ещё не знала, что именно. Но она знала, что должна попытаться.

Алиса разработала план. Он был рискованным, почти безумным, но другого выхода не было. Она решила не прятать кандидатов, а наоборот - сделать их заметными. Привлечь к ним внимание. Создать вокруг них такой резонанс, чтобы Гофман не посмел тронуть их, опасаясь последствий. Она связалась с фон Краузе и попросила его организовать серию публичных лекций о янтаре - с приглашением всех выживших кандидатов в качестве почётных гостей. Она попросила журналистов написать о них статьи. Попросила священников упомянуть их в проповедях. Сделать так, чтобы каждый из этих людей стал известен. Чтобы их смерть не прошла незамеченной.

Фон Краузе выполнил её просьбу. В течение следующих нескольких дней Кёнигсберг гудел от новостей о «янтарных лекциях». Газеты пестрели заголовками. Люди обсуждали их в кафе и на улицах. Гофман, который предпочитал действовать в тени, оказался в сложном положении. Он не мог убить всех кандидатов, не вызвав подозрений. Ему пришлось отступить. По крайней мере, на время. Алиса выиграла этот раунд. Но она знала: Гофман не сдастся. Он найдёт другой способ. И она должна быть готова.

Однажды ночью, когда фон Лютцов ушёл на разведку, а Шталь забылся тревожным сном, Алиса осталась наедине с Кальпом. Она сидела рядом с его креслом, глядя на мерцающую Пси-призму, и думала. Думала о том, как много поставила на карту. О том, что Гофман где-то там, в своём кабинете, плетёт интриги и ждёт момента для удара. О том, что Шталь - простой почтальон, - возможно, даже не подозревает, насколько он важен. И о том, что Кальп, запертый в этой петле, всё ещё жив и, возможно, всё ещё может помочь.

- Ты не спишь, - произнёс вдруг Кальп. Его голос был тихим, хриплым, но отчётливым. Алиса вздрогнула - она думала, что он в трансе.

- Не сплю, - ответила она. - Слишком много мыслей.

- Я слышал твой разговор с почтальоном, - сказал Кальп. - Ты рассказала ему о войне. О будущем. О том, что его жизнь может изменить историю. Это было смело. И глупо. Если Гофман узнает, что ты раскрыла правду, он использует это против тебя.

- Он и так использует всё против меня, - ответила Алиса. - По крайней мере, теперь Шталь знает, за что сражается. Он не просто пешка в чужой игре. Он - человек. Со своей волей. Со своим выбором. Я не могла лишиться его этого.

Кальп долго молчал. Затем произнёс:

- Ты напоминаешь мне меня. Тогда, в молодости. Я тоже верил, что каждый человек имеет право знать правду. Что знание делает свободным. Но я ошибался. Знание не делает свободным. Знание делает ответственным. А ответственность... она раздавливает. Ты готова к этому?

- Я уже раздавлена, - ответила Алиса. - Но я всё ещё иду. Потому что другого пути нет.

Кальп кивнул - медленно, словно каждое движение давалось ему с трудом.

- Ты сильнее, чем я, - сказал он. - Ты сможешь завершить то, что я начал. Я верю в тебя.

Алиса не ответила. Она просто сидела рядом с ним, глядя на мерцающий свет призмы, и думала о том, что завтра будет новый день. Новые испытания. Новые битвы. И она должна быть готова к ним.

На следующий день, когда Алиса снова вышла в город - переодетая, с изменённой причёской, чтобы её не узнали, - она столкнулась с человеком, которого не ожидала увидеть. Это был профессор фон Краузе. Он сидел в том же кафе, где они обычно встречались, но выглядел он иначе. Бледный, осунувшийся, с тёмными кругами под глазами. Его руки дрожали, когда он подносил чашку кофе к губам.

- Что случилось? - спросила Алиса, садясь напротив.

- Они приходили ко мне, - ответил фон Краузе. - Гестапо. Допрашивали. Спрашивали о вас. О Кальпе. О янтаре. Я ничего не сказал, но... они знают. Они всё знают. О лекциях. О кандидатах. О том, что я помогаю вам. Мне страшно, Алиса. Я не герой. Я просто старый профессор. Я не создан для такой жизни.

Алиса взяла его за руку.

- Вы уже герой, - сказала она. - Вы рисковали всем, чтобы помочь мне. Чтобы помочь правде. Вы не отступили, когда было трудно. Это и есть храбрость. Не отсутствие страха, а способность действовать, несмотря на него.

Фон Краузе слабо улыбнулся.

- Вы говорите как Кант, - сказал он. - «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла стать всеобщим законом». Я всегда восхищался этой фразой. Но никогда не думал, что мне придётся жить по ней.

- Мы все живём по ней, - ответила Алиса. - Хотим мы того или нет. Каждый наш выбор определяет, кто мы есть. Вы сделали свой выбор. И я благодарна вам за это.

Они поговорили ещё немного. Алиса убедила фон Краузе уехать из города на время - к родственникам в деревню, где гестапо не будет его искать. Он не хотел оставлять её, но она настояла. Она не могла рисковать его жизнью. Он был слишком важен - не только для неё, но и для всего Круга. Перед уходом он передал ей папку с документами.

- Здесь всё, что мы собрали, - сказал он. - Списки кандидатов. Архивные записи. Дневники Кальпа, которые удалось сохранить. Возможно, это поможет вам. Прощайте, Алиса. И удачи.

Он ушёл, и Алиса осталась одна. Она открыла папку и начала читать. И то, что она нашла там, заставило её сердце биться быстрее. Среди страниц дневника Кальпа была запись, которую она раньше не видела. «Узел реальности - это не человек. Это выбор. Выбор, который делает человек. Почтальон Шталь - ключ, но ключ не в нём самом. Ключ в том, что он сделает. Или не сделает. Его решение определит всё. Если он выживет и доставит письмо, история пойдёт одним путём. Если умрёт - другим. Но есть третий путь. Путь, который я пытался найти и не смог. Путь, на котором Шталь выживает, но письмо не доходит. Или доходит, но слишком поздно. Или доходит не тому адресату. Вариантов бесконечно много. И каждый из них - новая реальность. Я пытался просчитать все. Но у меня не хватило времени. У меня не хватило сил. Может быть, у тебя хватит».

Алиса перечитала эту запись несколько раз. Она поняла: Кальп оставил ей подсказку. Узел реальности - это не просто жизнь или смерть Шталя. Это выбор. Выбор, который он сделает в критический момент. И она должна помочь ему сделать правильный выбор. Не тот, который выгоден Гофману. Не тот, который выгоден ей. А тот, который спасёт реальность. Обе реальности.

Алиса вернулась в лабораторию и рассказала Шталю о том, что узнала. Он выслушал её молча, и его лицо было бледным, как мел.

- Значит, всё зависит от меня, - произнёс он наконец. - От моего выбора. Но я не знаю, что выбрать. Я не знаю, какой выбор правильный.

- Я не могу сказать тебе, - ответила Алиса. - Это твоя жизнь. Твоя судьба. Ты должен решить сам. Но я могу обещать тебе одно: что бы ты ни выбрал, я буду рядом. Я буду защищать тебя. До конца.

Шталь долго смотрел на неё. Затем кивнул.

- Спасибо, - сказал он. - Этого достаточно.

Вернувшись в лабораторию, Алиса провела остаток ночи за изучением документов, которые оставил профессор фон Краузе. Папка была толстой - сотни страниц, исписанных убористым почерком. Здесь были биографии всех сорока кандидатов из первоначального списка.

Тех, кого они исключили, и тех, кто остался. Алиса читала их одну за другой, пытаясь найти закономерность. Почему именно эти люди? Что их объединяло?

Дипломат Иоганн фон Берг - аристократ, чей род восходил к тевтонским рыцарям. Он вёл секретные переговоры с британцами, пытаясь предотвратить войну. Его предки владели янтарными копиями в Пальмникене. Журналист Курт Майер - молодой, амбициозный, писавший разоблачительные статьи о коррупции в СС. Он интересовался янтарём как символом прусского наследия. Офицер вермахта Клаус фон Штауффенберг - тот самый, который через несколько лет попытается убить Гитлера. Он был связан с янтарём через своего двоюродного брата, работавшего в университете Альбертины. Торговец янтарём Исаак Гольдберг - старый еврей, чью коллекцию конфисковали нацисты. Он знал о янтаре то, чего не знали даже учёные. И почтальон Генрих Шталь - простой человек, чей дед работал на копиях, чей отец чинил часы на соборе, и который сам, ещё мальчиком, нашёл на пляже кусочек чёрного янтаря.

Все они были связаны. Не через знакомство, не через общие дела - через янтарь. Через ту самую сеть, которую Предтечи засеяли на Земле миллиарды лет назад. Каждый из них был узлом этой сети. Каждый из них нёс в себе частицу Комнаты. И Гофман, должно быть, знал это. Именно поэтому он охотился за ними. Он хотел уничтожить все узлы, оставив только один - тот, который сможет контролировать.

Алиса поняла: она не может защитить всех. У неё не хватит ресурсов, не хватит времени. Но она может сделать другое. Она может помочь Шталю сделать правильный выбор. Тот самый, о котором писал Кальп. Тот, который спасёт реальность.

На следующее утро Алиса собрала всех в лаборатории - фон Лютцова, Штalia, даже Кальпа, который на время вышел из транса. Она рассказала им о том, что узнала. О том, что узел реальности - это не просто жизнь или смерть Штalia, а выбор, который он сделает. О том, что его решение определит судьбу обеих реальностей.

- Я не могу сказать тебе, что выбрать, - повторила она, глядя на Штalia. - Это твоя жизнь. Твоя судьба. Но я могу показать тебе последствия. Я могу показать тебе, что будет, если ты сделаешь тот или иной выбор. Хочешь?

Шталь колебался. Затем кивнул.

Алиса подключила его к Пси-призме - не так, как Кальп был подключён, а мягче, через поверхностный контакт. Она использовала свои знания, полученные от Кальпа, чтобы создать симуляцию внутри симуляции. Она показала Шталю будущее. Три возможных будущих.

Первое: он погибает, как в оригинальной истории. Письмо не доставлено. Замок горит. Янтарная панель уничтожена. Война продолжается ещё несколько месяцев. Кёнигсберг разрушен. Миллионы людей гибнут. Но Комната не попадает в руки нацистов. Она исчезает навсегда. Второе: он выживает и доставляет письмо. Замок капитулирует. Янтарная панель спасена. Но её находит Гофман. Он использует её, чтобы переписать реальность. Война заканчивается раньше, но мир становится тюрьмой. Свобода исчезает. Человечество попадает под власть тирана. Третье: он выживает, доставляет письмо, но также анонимно сообщает о готовящемся поджоге Янтарной комнаты. Панель спасена, но спрятана. Никто не находит её. Ни Гофман, ни Советский Союз, ни кто-либо ещё. Она ждёт. Ждёт того, кто придёт за ней через много лет. Того, кто использует её для защиты, а не для власти.

Шталь смотрел на эти видения, и слёзы текли по его щекам. Он видел смерть. Видел тиранию. Видел надежду. Когда видения закончились, он долго молчал. Затем произнёс:

- Я выбираю третье. Я сделаю то, что должен. Я спасу Комнату - не для Гофмана, не для Гитлера, не для Сталина. Для будущего. Для тех, кто придёт после.

Алиса обняла его. Она знала, что этот выбор будет стоить ему многого. Возможно, жизни. Но он сделал его. И она будет рядом, чтобы помочь ему. До конца.

Алиса не спала уже третью ночь. Она лежала на узкой койке в лаборатории Кальпа, глядя в каменный потолок, и пыталась найти решение. После того как Шталь сделал свой выбор - спасение Комнаты, анонимное сообщение о поджоге, - ситуация, казалось бы, должна была проясниться. Но вместо этого она становилась всё более запутанной. Гофман продолжал охоту. Его агенты прочёсывали город в поисках почтальона. Фон Лютцов, уходивший на разведку, возвращался с тревожными новостями: ещё два кандидата из списка найдены мёртвыми. Официально - несчастные случаи. На самом деле - убийства. Гофман не собирался останавливаться. Он методично уничтожал всех, кто мог быть носителем узла, надеясь, что последним останется Шталь. И тогда он придёт за ним.

Алиса пыталась просчитать варианты. Она использовала Пси-призму - ту самую, к которой был подключён Кальп, - чтобы моделировать вероятностные ветви. Но симуляция была нестабильна. Каждый раз, когда она запускала расчёт, результаты различались. То Шталь погибал, то выживал, то исчезал вовсе. Реальность дрожала, как натянутая струна. И в этом дрожании Алиса чувствовала присутствие Гофмана. Он тоже использовал Комнату. Он тоже просчитывал будущее. И его расчёты конфликтовали с её расчётами, создавая интерференцию. Они были как два шахматиста, которые играют вслепую, не видя доски друг друга, но чувствуя каждый ход.

В одну из таких ночей, когда Алиса уже была готова признать своё поражение, в кресле у камина - точнее, у старой алхимической печи, которая заменяла здесь камин, - материализовалась фигура. Это произошло беззвучно, без вспышки, без предупреждения. Просто пустое кресло внезапно оказалось занятым. Алиса вздрогнула, схватилась за пистолет, но тут же узнала гостя. Сухонький старик в ночном колпаке, с пледом на коленях. Иммануил Кант. Точнее, его проекция. Та самая, которая уже являлась ей однажды.

- Доброй ночи, фройляйн Штерн, - произнёс он, и его голос звучал тихо, по-стариковски, но отчётливо. - Вы не спите. Я тоже. В моём возрасте сон - редкий гость. Может быть, составите компанию старому философу?

Алиса опустила пистолет. Она знала, что эта проекция - не настоящий Кант. Это был Архивариус, древняя программа, созданная Кальпом, которая каким-то образом проникла в симуляцию. Но сейчас это не имело значения. Ей нужен был совет. И она была готова выслушать кого угодно - даже призрака.

- Вы сказали, что эта симуляция не была создана Гофманом, - начала она. - Что её построили алхимики Альбертины. Что Кальп вошёл в неё, чтобы больше никогда не вернуться. Но вы не сказали, зачем. Какова была её цель?

Кант-проекция поправил плед на коленях и задумчиво посмотрел на огонь.

- Цель, - произнёс он. - Вечный вопрос. «Зачем?» - спрашивают люди, глядя на звёзды. «Зачем?» - спрашивают они, глядя в свою душу. Кальп построил эту симуляцию не для власти. Не для знания. Он построил её из страха. Он боялся, что Комната - та самая, которую он помог создать, - будет использована во зло. Он видел будущее. Видел войны, которые она может вызвать. Видел тиранов, которые могут её захватить. Видел Гофмана - хотя тогда ещё не знал его имени. И он решил спрятать Комнату. Не физически - информационно. Он запер её в симуляции. В этой симуляции. В Кёнигсберге 1939 года. В моменте, который предшествовал катастрофе.

- Почему именно 1939 год? - спросила Алиса.

- Потому что это точка бифуркации, - ответил Кант-проекция. - Момент, когда история могла пойти разными путями. Если бы война не началась, если бы Гитлер был остановлен, если бы Комната была спасена - всё могло бы быть иначе. Кальп хотел сохранить эту возможность. Он создал симуляцию как убежище - место, где вероятностные ветви ещё не разошлись, где всё ещё можно изменить. Он вошёл в неё сам, чтобы стать её ядром, её оператором. Но он не

рассчитал силы. Симуляция затянула его, как тряпина. Он застрял в ней. Застрял в бесконечной петле, пытаясь найти идеальный исход. И не нашёл.

- Но Гофман нашёл, - сказала Алиса. - Он захватил симуляцию и использует её для своих целей.

- Да, - подтвердил Кант-проекция. - Гофман - талантливый паразит. Он нашёл симуляцию, когда она уже была ослаблена. Кальп не мог сопротивляться - он был слишком истощён. Гофман подчинил симуляцию себе, но не полностью. Он не может контролировать узел реальности - тот самый, который ты ищешь. Потому что узел - это не просто точка в пространстве-времени. Это выбор. Выбор, который может сделать только человек. Не Гофман. Не Кальп. Не ты. Тот, кто является носителем узла. Почтальон Шталь.

- Почему он? - спросила Алиса. - Почему именно этот человек? Он обычный почтальон. Он ничего не знает о Комнате, о янтаре, о Предтечах. Почему узел оказался в нём?

- Случайность, - ответил Кант-проекция. - Или судьба. Называй как хочешь. Его дед работал на янтарных копиях. Его отец чинил часы на башне собора. Он сам нашёл кусочек чёрного янтаря на пляже - тот самый, который ты видела у него. Этот янтарь был частью Комнаты. Он впитал в себя информацию за многие годы. Информацию о прошлом, о будущем, о вероятностях. И когда Шталь прикоснулся к нему, эта информация вошла в него. Сделала его частью сети. Частью узла. Он не знает об этом, но он - ключ. Его жизнь, его смерть, его выбор - всё это определяет судьбу реальности.

Алиса задумалась. Значит, Шталь стал ключом не по своей воле. Его сделала таким случайность. Или судьба. И теперь от него зависело всё. Это было несправедливо. Но такова была реальность. Точнее, симуляция.

- Вы сказали, что Гофман не может контролировать узел, - произнесла Алиса. - Но он пытается. Он убивает кандидатов одного за другим. Он думает, что если уничтожить всех, кроме Шталя, то узел останется только у него. Это правда?

- И да, и нет, - ответил Кант-проекция. - Гофман ошибается. Узел не переходит от одного кандидата к другому, как эстафетная палочка. Каждый из этих людей - часть сети. Они связаны между собой. Если убить одного, связь не исчезает - она перераспределяется. Остальные кандидаты становятся сильнее. Их связь с узлом - глубже. Гофман, сам того не зная, усиливает их. И усиливает Шталя. Если он убьёт всех, Шталь станет единственным носителем узла. Но тогда его выбор станет окончательным. Необратимым. И если Шталь сделает правильный выбор, Гофман проиграет. Навсегда.

- А если неправильный? - спросила Алиса.

- Тогда реальность изменится так, как хочет Гофман, - ответил Кант-проекция. - Навсегда.

Алиса почувствовала, как холод пробегает по спине. Она поняла: Гофман играет в опасную игру. Он рискует всем - реальностью, симуляцией, самим собой, - надеясь, что Шталь ошибётся. Что он сделает неправильный выбор. Что страх, или жадность, или просто человеческая слабость заставят его свернуть с пути. И Алиса должна была сделать так, чтобы этого не произошло.

- Я должна помочь ему, - сказала она. - Должна показать ему правильный путь. Но я не знаю, какой путь правильный. Я видела три варианта будущего, которые показала Шталю. Третий - спасение Комнаты и анонимное сообщение - кажется лучшим. Но я не уверена. Что, если есть четвёртый вариант? Пятый? Сотый? Что, если я ошибаюсь?

- Ты не можешь знать наверняка, - ответил Кант-проекция. - Никто не может. Даже я. Даже Кальп. Будущее не определено. Оно состоит из вероятностей. Но есть принцип, который может помочь тебе. Принцип, который я сформулировал много лет назад. «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла стать всеобщим законом». Если ты хочешь понять, какой выбор правильный, спроси себя: что будет, если все люди сделают такой же выбор? Если все

выберут спасение, а не разрушение? Если все выберут защиту, а не власть? Если все выберут любовь, а не ненависть? Ответ на этот вопрос и есть правильный путь.

Алиса задумалась над его словами. Категорический императив Канта. Она изучала его в университете, но никогда не думала, что он может быть применён к реальности - точнее, к симуляции. Но теперь она понимала: это не просто философия. Это инструкция. Руководство к действию. Шталь должен выбрать не то, что выгодно ему. Не то, что выгодно Гофману. Не то, что выгодно ей. Он должен выбрать то, что стало бы всеобщим законом. Спасение. Защиту. Любовь. И Алиса должна помочь ему сделать этот выбор.

- Вы сказали, что узел реальности - это не человек, а событие, - произнесла Алиса. - Момент, когда Кальп понял, что совершил ошибку, и попытался уничтожить Комнату изнутри. Где этот момент? Как его найти?

Кант-проекция встал с кресла - его движения были медленными, как у очень старого человека, - и подошёл к Пси-призме. Он провёл рукой над её поверхностью, и в воздухе возникла проекция. Не Кёнигсберга 1939 года - другого места. Подземной лаборатории, точно такой же, как эта, но старше, более ветхой. В центре лаборатории стоял человек. Кальп. Не молодой, как сейчас, а старый, измождённый, с седыми волосами и горящими глазами. Он что-то кричал, размахивая руками, но слов не было слышно - только изображение.

- Это произошло в 1904 году, - сказал Кант-проекция. - Кальп к тому времени уже несколько лет работал с Комнатой. Он видел будущее. Видел войны. Видел смерть. Видел Гофмана - хотя тогда ещё не знал его имени. Он понял, что Комната - это не инструмент для спасения. Это оружие. Оружие массового поражения. И он попытался уничтожить её. Он создал протокол самоуничтожения - вирус, который должен был стереть всю информацию, записанную в янтаре. Но Комната защищалась. Она не позволила ему завершить начатое. Она заперла его в этой петле - моменте, когда он понял свою ошибку. И с тех пор он переживает этот момент снова и снова. Каждый день. В одно и то же время. В полночь.

- Каждую полночь? - переспросила Алиса. - Значит, если я приду сюда в полночь, я увижу это? Смогу поговорить с ним?

- Да, - ответил Кант-проекция. - Но будь осторожна. Кальп в этом состоянии нестабилен. Он может не узнать тебя. Может принять за врага. Может попытаться уничтожить - не тебя, а себя, а вместе с собой и всю симуляцию. Ты должна быть готова к этому.

Алиса кивнула. Она знала, что это опасно. Но другого пути не было. Она должна была поговорить с Кальпом - не с тем измождённым человеком, который сидел в кресле, а с тем, кто ещё помнил, зачем он создал эту симуляцию. С тем, кто мог помочь ей найти выход.

Алиса дождалась полуночи. Фон Лютцов и Шталь спали в соседней комнате - она не стала их будить. Это было её дело. Её битва. Она сидела в кресле напротив Пси-призмы и ждала. Часы на стене - старые, с маятником, - показывали без пяти двенадцать. Свечение призмы становилось ярче. Воздух в лаборатории - плотнее. Алиса чувствовала, как энергия нарастает, концентрируется, готовится к чему-то.

И вот, ровно в полночь, всё изменилось. Кальп, сидевший в своём кресле, внезапно выпрямился. Его глаза, до этого пустые, загорелись огнём. Его руки, до этого безвольно лежавшие на подлокотниках, сжались в кулаки. Он закричал - не от боли, а от ярости. «Нет! - кричал он. - Я не позволю! Я уничтожу тебя! Ты не будешь использована во зло!»

Алиса встала и подошла к нему.

- Кальп, - позвала она. - Теодор Кальп. Вы слышите меня?

Он повернул голову и посмотрел на неё. Его глаза были безумными, но в них было узнавание.

- Ты, - произнёс он. - Я видел тебя. Во сне. Ты - та, кто завершит начатое. Ты пришла. Но ты опоздала. Я уже всё решил. Я уничтожу Комнату. Я уничтожу эту симуляцию. Я уничтожу всё.

- Нет, - сказала Алиса. - Не уничтожьте. Есть другой путь. Вы знаете его. Вы сами записали его в своём дневнике. «Узел реальности - это выбор». Вы не можете сделать этот выбор за всех. Вы можете только дать им шанс. Дайте мне шанс. Дайте Шталю шанс. Мы сможем завершить то, что вы начали. Не разрушением - спасением.

Кальп долго смотрел на неё. Его лицо, искажённое яростью, постепенно смягчалось. Безумие в его глазах уступало место чему-то другому. Надежде.

- Ты правда веришь, что это возможно? - спросил он. - Что можно спасти Комнату? Что можно использовать её для защиты, а не для власти?

- Я верю, - ответила Алиса. - Я уже делала это. В своей реальности. Я переписала код. Я создала «Этического стража». Я превратила Комнату из оружия в щит. Я могу сделать это снова. Здесь. С вашей помощью.

Кальп закрыл глаза. Его тело обмякло в кресле. Но, прежде чем он снова погрузился в транс, он прошептал:

- Тогда действуй. И помни: выбор за почтальоном. Не за тобой. Не за мной. Не за Гофманом. За ним. Только он может открыть дверь. Только он может завершить начатое.

И он замолчал. Полночь миновала. Свечение призмы погасло. Кальп снова стал измождённым, безмолвным пленником своей петли. Но Алиса получила то, за чем пришла. Она знала, что делать дальше.

На следующее утро Алиса собрала своих союзников - фон Лютцова, Шталю, даже профессора фон Краузе, который, несмотря на опасность, вернулся в город, узнав, что она нуждается в нём. Она рассказала им о том, что узнала от Канта-проекции и от Кальпа. О том, что узел реальности - это выбор Шталю. О том, что Гофман убивает кандидатов, чтобы сделать Шталю единственным носителем узла. О том, что у них есть шанс - если они помогут Шталю сделать правильный выбор.

- Что я должен сделать? - спросил Шталь. Его голос дрожал, но в нём была решимость. - Я готов. Я хочу помочь. Что бы ни потребовалось.

- Ты должен сделать то, что уже решил, - ответила Алиса. - Спасти Комнату. Анонимно сообщить о поджоге. Но этого мало. Гофман будет пытаться помешать тебе. Он может попытаться убить тебя. Или манипулировать тобой. Или предложить тебе сделку. Ты должен быть готов ко всему. Ты должен помнить: твой выбор - не только твой. Он определит судьбу всех. Обеих реальностей.

- Я помню, - сказал Шталь. - Я не подведу.

Алиса повернулась к фон Лютцову.

- Капитан, вы должны защищать его. Что бы ни случилось. Если Гофман нападёт, вы должны быть рядом. Вы должны довести его до момента выбора - и дать ему возможность сделать этот выбор.

Фон Лютцов кивнул.

- Я сделаю это, - сказал он. - Даже если это будет стоить мне жизни.

Алиса повернулась к фон Краузе.

- Профессор, вы должны продолжать информационную войну. Публикуйте статьи. Читайте лекции. Делайте всё, чтобы кандидаты - те, кто ещё жив, - были на виду. Чтобы Гофман не мог тронуть их незаметно.

Фон Краузе кивнул.

- Я сделаю это, - сказал он. - Ради науки. Ради истины. Ради вас.

Алиса оглядела их всех. Эти люди, которые ещё недавно не знали друг друга, теперь стали командой. Её командой. И она была благодарна им.

Но когда все разошлись, Алиса осталась одна, и её охватили сомнения. Правильно ли она поступает? Можно ли доверять Канту-проекции? Можно ли доверять Кальпу, который двести лет провёл в безумной петле? Можно ли доверять Шталю, простому почтальону, который ещё

вчера не знал о существовании Комнаты? Можно ли доверять самой себе - женщине, которая потеряла свою человечность, стала голосом в янтаре, а теперь застряла в симуляции, не зная, как выбраться?

Она вспомнила слова Канта-проекции: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла стать всеобщим законом». Она хотела поступать правильно. Она хотела спасти реальность. Но что, если её представление о правильном было ошибочным? Что, если она, сама того не зная, вела Шталь к гибели? Что, если Гофман был прав - и единственный способ спасти мир заключался в том, чтобы контролировать его?

Эти мысли мучили её. Она не могла спать. Не могла есть. Не могла думать ни о чём другом. Она часами сидела у Пси-призмы, запуская симуляции, пытаясь найти идеальный исход. Но идеального исхода не было. Каждый выбор имел цену. Каждая победа - потери. И она не знала, готова ли она заплатить эту цену.

В одну из таких ночей к ней подошёл Шталь. Он тоже не спал.

- Я слышал, как вы ворочаетесь, - сказал он. - Я тоже не могу уснуть. Можно мне посидеть с вами?

Алиса кивнула. Он сел рядом, и они долго молчали, глядя на мерцающий свет призмы.

- Я боюсь, - сказал наконец Шталь. - Не смерти. Я боюсь ошибиться. Сделать неправильный выбор. Подвести вас. Подвести всех.

- Я тоже боюсь, - ответила Алиса. - Каждый день. Каждый час. Но я поняла одну вещь: страх - это не враг. Враг - это бездействие. Пока мы действуем, пока мы выбираем, пока мы идём вперёд - мы живы. Мы люди. И мы можем изменить мир. Может быть, не так, как хотим. Может быть, с ошибками. Но можем. Я верю в это. И я верю в тебя.

Шталь посмотрел на неё, и в его глазах блеснули слёзы.

- Спасибо, - прошептал он. - За то, что верите в меня. За то, что дали мне шанс. Я не подведу. Обещаю.

Алиса сжала его руку. Они сидели так до рассвета. Два человека, связанные судьбой. Два ключа, от которых зависела реальность. И они были готовы к тому, что ждало их впереди.

На следующую ночь Кант-проекция появилась снова. Алиса уже ждала её - она надеялась, что старик вернётся. У неё было слишком много вопросов. Кант-проекция, казалось, понимал это. Он сел в своё кресло, поправил плед и приготовился говорить.

- Вы хотите знать, почему я помогаю вам, - произнёс он. - Почему я, проекция давно умершего философа, трачу свои последние силы на то, чтобы вести вас через эту симуляцию. Ответ прост: потому что вы - моя надежда. Не только моя. Надежда Кальпа. Надежда хранителей. Надежда леса. Вы - та, кто может завершить то, что мы начали. То, что мы не смогли завершить сами.

- Но я не знаю, как, - ответила Алиса. - Я не знаю, какой выбор правильный. Я не знаю, как помочь Шталю. Я не знаю, как победить Гофмана. Я ничего не знаю.

- Знание - это не то, что можно получить, - ответил Кант-проекция. - Это то, что нужно обрести. Через опыт. Через боль. Через любовь. Ты уже обрела его. Ты просто не знаешь об этом. Вспомни, чему учили тебя хранители в Архиве. Эйлер учил тебя логике. Басси - интуиции. Фон Витгенштейн - трансформации. Фон Бюлов - исцелению. Я учил тебя морали. Всё это - части одного целого. Части тебя самой. Ты готова. Просто поверь в себя.

Алиса задумалась над его словами. Она вспомнила Архив. Двенадцать секторов. Двенадцать хранителей. Каждый из них задал ей вопрос. Каждый проверил её на прочность. И она прошла все испытания. Она доказала, что достойна. Так почему же сейчас она сомневается? Почему позволяет страху парализовать себя?

- Вы правы, - сказала она. - Я готова. Я знаю, что делать. Я помогу Шталю сделать правильный выбор. Я защищу его от Гофмана. И я завершу то, что начал Кальп. Не разрушением - спасением.

Кант-проекция улыбнулся - впервые за всё время.

- Вот теперь ты говоришь как истинный оператор, - произнёс он. - Как страж. Как наследница. Иди. И пусть звёздное небо над тобой и моральный закон в тебе ведут тебя.

Он растаял, оставив после себя только слабый запах табака и старых книг. Алиса осталась одна. Но теперь она не чувствовала одиночества. Она чувствовала поддержку всех, кто был с ней - живых и мёртвых, реальных и симулированных. Она была готова.

Остаток ночи Алиса провела за подготовкой. Она знала: решающий момент близок. Гофман не будет ждать вечно. Он нанесёт удар - и она должна быть готова к этому. Она проверила оружие - тот самый пистолет, который забрала у агента гестапо. Проверила запасы еды и воды - их хватит ещё на несколько дней. Проверила Пси-призму - она работала стабильно, но Алиса знала, что в критический момент всё может измениться. Она поговорила с фон Лютцовом, убедилась, что он знает свой манёвр. Поговорила со Шталем, убедилась, что он помнит о своём выборе. Поговорила с Кальпом - хотя он и не отвечал, она верила, что он слышит её.

- Завтра, - сказала она ему. - Завтра всё закончится. Так или иначе. Я обещаю: я завершу то, что вы начали. Вы сможете уйти. Вы сможете обрести покой. Вы заслужили его.

Кальп не ответил. Но Алисе показалось, что его губы чуть дрогнули в улыбке. Когда всё было готово, она легла на койку и закрыла глаза. Завтра её ждала битва. Возможно, последняя. И она была готова.

Глава 6: Подземная лаборатория

Алиса проснулась за час до рассвета. В лаборатории было холодно - подземный холод, который не пробирает до костей, а обволакивает, как саван. Она лежала на узкой койке, глядя в каменный потолок, и прислушивалась к звукам. Где-то капала вода - монотонно, размеренно, как метроном. Где-то гудела Пси-призма - низко, вибрирующе, как далёкий орган. Где-то дышал Кальп - медленно, хрипло, как человек, который забыл, что значит дышать свободно. В соседней комнате, за грудой старых ящиков, служивших перегородкой, спали фон Лютцов и Шталь. Их дыхание было ровным, спокойным - они доверяли Алисе. Они верили, что она защитит их.

Она села на койке и обхватила колени руками. Сегодня был день. Она чувствовала это - не логикой, а интуицией. Той самой интуицией, которая не зависела от мутации и импланта. Гофман нанесёт удар сегодня. Она не знала, откуда это знала. Просто знала. Как знают о приближении грозы по тому, как воздух становится плотным и заряженным. Вчера вечером, когда она выглядывала из лаборатории через потайной ход в университетскую библиотеку, она заметила странное поведение симуляции. Прохожие на улицах двигались более дёргано, чем обычно. Фонари мерцали. Небо над городом приобрело неестественный желтоватый оттенок. Всё это были признаки того, что Гофман готовит какую-то масштабную операцию. Возможно, он решил не ждать больше и нанести решающий удар.

Алиса встала, умылась холодной водой из старого ручкомойника, стоявшего в углу лаборатории, и начала готовиться. Она проверила оружие - пистолет, который забрала у агента гестапо во время побега из ресторана «Блютгерихт». Она помнила тот вечер в мельчайших деталях: роскошный зал, хрустальные люстры, белоснежные скатерти. Гофман, сидящий напротив, с бокалом вина в руке. Его вкрадчивый голос. Его предложение сотрудничества. Его холодная ярость, когда она отказалась. Агенты, пытавшиеся схватить её. Выстрел. Побег. Всё это было словно в прошлой жизни - хотя прошло всего несколько дней. В обойме пистолета оставалось четыре патрона. Мало. Очень мало. Но другого оружия не было. Алиса проверила каждый патрон - они были настоящими, не симулированными. Она не знала, как это работало в мире, который сам был симуляцией, но знала, что они могут убить - или, по крайней мере, ранить - любого, кто попытается помешать ей.

Она проверила Пси-призму - та работала стабильно, хотя Алиса чувствовала, что её мощностность постепенно падает. Кальп, который был её источником энергии, слабел с каждым днём. Он умирал - медленно, но неотвратно. Если она не завершит миссию в ближайшие дни, призма отключится. И тогда они останутся без единственного инструмента, способного противостоять Гофману. Алиса подошла к Кальпу и положила ладонь на его лоб. Он был горячим - слишком горячим для человека, который провёл двести лет в неподвижности. Его кожа была сухой, как пергамент. Его дыхание было поверхностным, прерывистым. Но когда она коснулась его, он вздрогнул - и на мгновение его глаза открылись. «Ещё немного, - прошептал он. - Ещё немного, и всё закончится. Держись». Затем его глаза снова закрылись, и он погрузился в свой бесконечный транс. Алиса убрала руку и почувствовала, как к горлу подступает ком. Кальп держался из последних сил. Она не могла подвести его.

Она разбудила фон Лютцова и Шталя. Коротко объяснила ситуацию: сегодня Гофман нападёт. Нужно быть готовыми. Фон Лютцов, старый солдат, воспринял новость спокойно - он привык к опасности. Он встал, потянулся, проверил свой пистолет - у него был «Вальтер», армейский, с полной обоймой, - и кивнул. «Я готов», - сказал он. В его голосе не было ни страха, ни бравады. Только спокойная уверенность человека, который много раз смотрел в лицо смерти и знал, что сегодня, возможно, увидит её снова. Шталя, напротив, побледнел. Он не был солдатом. Он был почтальоном. Он носил письма, а не оружие. Он разносил радость и печаль, а не смерть. Но он взял себя в руки и кивнул. «Я готов, - сказал он, и его голос дрожал, но в нём была решимость. - Я сделаю то, что должен».

Алиса посмотрела на него с уважением. Этот человек, который ещё неделю назад не знал о существовании Комнаты, теперь был готов отдать за неё жизнь. Она вспомнила, как впервые увидела его - в маленькой квартирке в портовом районе, с томиком Рильке в руках. Тогда он был просто почтальоном. Теперь он был ключом. Узлом реальности. Человеком, от которого зависела судьба двух миров. И он принял эту ответственность. Не потому, что хотел славы или власти. А потому, что это было правильно.

Алиса решила, что ждать в лаборатории - неправильно. Гофман, скорее всего, знал, где они прячутся. Его агенты могли обнаружить вход в подземелья - несмотря на все предосторожности, несмотря на стену из чёрного янтаря, которую Алиса открыла своей кровью. Она помнила, как стена рассыпалась перед ней, признав её ДНК. Но Гофман мог найти другой способ проникнуть внутрь. Мог использовать взрывчатку. Мог использовать белый янтарь - тот самый, который стирал информацию и мог разрушить любой барьер. Мог просто ждать, пока они выйдут, и устроить засаду. Нужно было опередить его. Нанести удар первой. Или, по крайней мере, встретить его на своей территории.

Она оставила Шталя под присмотром Кальпа - старый алхимик, даже в своём полубессознательном состоянии, мог служить защитником: симуляция не позволяла никому, кроме Алисы, приближаться к нему. Это была одна из странностей этой реальности - Кальп был её ядром, и она оберегала его, как тело оберегает сердце. Фон Лютцов вызвался сопровождать Алису. Она не хотела брать его - риск был слишком велик, - но капитан настоял. «Я поклялся защищать вас, - сказал он. - И я сдержу клятву. Даже если это будет стоить мне жизни». Алиса не стала спорить. Она знала, что такие люди, как фон Лютцов, не меняют решений.

Они выбрались из лаборатории через потайной ход, который вёл в университетскую библиотеку. Ход был узким и тёмным, но Алиса уже знала его наизусть. Она шла впереди, держа в руке фонарь. Фон Лютцов следовал за ней. Через двадцать минут они вышли в подвал библиотеки - огромное помещение, заставленное стеллажами с книгами. Здесь пахло пылью, старой бумагой и клеем. Алиса знала это место - она провела здесь много часов, изучая архивы по заданию профессора фон Краузе. Она ориентировалась здесь с закрытыми глазами. Они поднялись на первый этаж и вышли на улицу через служебный вход.

Кёнигсберг встретил их серым, промозглым утром. Накрапывал дождь, мелкий и холодный, какой часто бывает на Балтике в это время года. Улицы были пустынные - только редкие прохожие спешили по своим делам, кутаясь в воротники. Алиса и фон Лютцов шли быстро, стараясь не привлекать внимания. Она надела тёмное пальто и шляпу, которые позаимствовала из реквизита университетского театра - простой, но эффективный способ изменить внешность. Фон Лютцов был в гражданском - неприметный костюм, надвинутая на глаза шляпа. Они выглядели как обычные горожане, спешащие по своим делам. Но Алиса знала: Гофман следит за ними. Он всегда следит.

Они направлялись к Кафедральному собору - тому самому, где часы шли вспять и где, по словам Канта-проекции, находилась ещё одна точка нестабильности симуляции. Алиса надеялась, что там она сможет получить преимущество перед Гофманом. Собор был не просто зданием - он был узлом сети, местом, где вероятностные ветви переплетались особенно плотно. Если где-то и можно было найти оружие против Гофмана, то именно там. По дороге они заметили слежку. Двое мужчин в штатском - серые плащи, серые шляпы, серые лица, - шли за ними, держась на расстоянии. Агенты гестапо. Или, что более вероятно, люди Гофмана, которым он дал доступ к симуляции. Алиса и фон Лютцов переглянулись и ускорили шаг. Агенты не отставали. Тогда они свернули в переулок, затем в другой, запутывая следы. Алиса знала эти улицы - она изучила их за время своего пребывания в симуляции. Каждый закоулок, каждый проходной двор, каждую подворотню. Через несколько минут им удалось оторваться. Они нырнули в подворотню старого дома на Кнайпхофе и затаились, переводя дыхание.

- Они знают, что мы здесь, - прошептал фон Лютцов, тяжело дыша.

- Они всегда знают, - ответила Алиса. - Гофман следит за каждым моим шагом. Он, наверное, видит нас прямо сейчас - через какую-нибудь камеру, через какой-нибудь баг, через саму симуляцию. Но это не важно. Важно то, что мы успеем сделать до того, как он нанесёт удар. Важно то, что мы найдём то, за чем идём.

Кафедральный собор на острове Кнайпхоф возвышался над городом, как немой страж. Его башни, построенные ещё в XIV веке из красного кирпича, видели века - войны, пожары, реформации, революции. В реальности Алисы собор был восстановлен после войны и стал музеем; в нём располагался органный зал и могила Канта. Здесь, в симуляции, он всё ещё действовал - в нём проходили службы, звучал орган, собирались прихожане. Алиса помнила, как впервые вошла в этот собор в своей реальности - тогда она искала укрытие от людей Барона и нашла тайник с зондом Предтеч. Сейчас она искала другое.

Они вошли внутрь, и Алиса сразу почувствовала это. Нестабильность. Здесь, под сводами собора, симуляция была тоньше, чем где-либо ещё. Реальность дрожала, как натянутая струна. Часы на башне, видимые через высокое готическое окно, шли вспять - она уже знала об этом баге. Но здесь, внутри, она заметила новые странности. Тени на стенах двигались несинхронно с людьми - они отставали на долю секунды или, наоборот, опережали. Отражения в витражах показывали не то, что происходило снаружи, а какие-то другие сцены - морские пейзажи с тремя лунами, леса с золотыми стволами, звёздное небо с незнакомыми созвездиями. Словно витражи были окнами не в реальный мир, а в другие реальности. В те самые, которые она спасла ценой своей человечности.

Алиса подошла к одному из витражей и замерла. В нём она увидела себя. Но не такую, какой была сейчас - в ситцевом платье, с пистолетом в руке, загнанную и уставшую. А ту, прежнюю, из своей реальности. С золотыми глазами, с шрамом-лабиринтом на коже, с имплантом в затылке. Она была оператором. Стражем. Она была свободна. Она стояла на берегу моря, и ветер трепал её волосы, а вокруг неё собирались друзья - Ольга, Дмитрий, Эвальд, Алексей. Все они улыбались. Все они ждали её.

- Это будущее? - спросил фон Лютцов, заглядывая ей через плечо. Его голос звучал благоговейно.

- Это прошлое, - ответила Алиса, чувствуя, как слёзы наворачиваются на глаза. - Или будущее. Или другая реальность. Здесь время течёт иначе. Всё перепутано. Прошлое, настоящее, будущее - всё существует одновременно. Поэтому Гофман выбрал это место. Здесь он может видеть то, чего не видят другие. Вероятности. Ветви. Узлы. Здесь он может манипулировать реальностью так, как ему удобно.

Она отвернулась от витража - это было слишком больно, - и пошла к алтарю. Служба ещё не началась, и в соборе было почти пусто. Только несколько старушек в чёрных платках молились у бокового придела, да органист репетировал что-то из Баха - «Токкату и фугу ре минор», ту самую, которую Алиса слышала здесь в своей реальности. Музыка наполняла пространство, и в ней Алиса чувствовала что-то знакомое. Что-то, что напоминало ей о доме. Об Архиве. О хранителях. Обо всём, что она потеряла.

За кафедрой, скрытая деревянной панелью, находилась неприметная дверь. Алиса знала о ней из записей Кальпа, которые читала в старой лаборатории. Она вела в подвал - туда, где, по словам Канта-проекции, находилась ещё одна лаборатория. Не та, под замком, а другая, старше. Та, где Кальп впервые начал свои эксперименты с янтарём. Алиса нашла скрытый механизм - маленький рычажок, замаскированный под элемент резьбы, - и нажала на него. Часть стены отошла в сторону, открывая тёмный проход. Из прохода пахло холодом и знакомым сладковато-электрическим запахом. Запахом нагретого янтаря.

- Нам сюда, - сказала она. - Держитесь рядом. И будьте готовы ко всему.

Подвал под собором был древним. Его стены, сложенные из грубо отёсанного камня, помнили ещё тевтонских рыцарей, которые построили первое укрепление на этом острове в XIII веке. Здесь было холодно и сыро, пахло плесенью и землёй. Но чем глубже они спускались по узкой винтовой лестнице, тем сильнее становился другой запах - тот самый, который Алиса узнала бы из тысячи. Запах нагретого янтаря. Он проникал в каждую клетку, в каждую мысль, в каждое воспоминание. Алиса шла впереди, держа в одной руке фонарь, в другой - пистолет. Фон Лютцов следовал за ней, освещая путь вторым фонарём.

Лестница кончилась, и они оказались в круглой комнате. Это была лаборатория - старая, заброшенная, но всё ещё функционирующая. На столах стояли реторты, колбы, перегонные кубы - всё покрытое толстым слоем пыли, но не тронутое временем. В углу, на старом деревянном штативе, висела Пси-призма - первая, самая ранняя модель, собранная Кальпом ещё в 1890-х годах. Она была грубой, несовершенной, но она работала. Алиса чувствовала её энергию - слабую, едва уловимую, но всё же энергию. В центре комнаты, на каменном постаменте, лежала книга. Огромная, в кожаном переплёте, с янтарными пластинами вместо страниц. Кодекс Альбертины. Оригинал. Тот самый, который Алиса видела в Архиве в своей реальности. Тот самый, который содержал все знания Кальпа, все его открытия, все его ошибки.

Она подошла к книге и открыла её. Страницы засветились мягким золотистым светом, узнавая её прикосновение. На них были записи - на языке Предтеч, на латыни, на немецком. Алиса читала их, и с каждой страницей картина становилась яснее. Кальп построил эту лабораторию в 1892 году, когда был ещё молодым учёным, только начинавшим свои исследования. Здесь он впервые прикоснулся к чёрному янтарю - образцу, найденному в руинах замка Лохштедт. Здесь он впервые увидел будущее - смутное, неясное, но будущее. Здесь он впервые понял, что янтарь - это не просто камень. Это носитель информации. Это мост между прошлым и будущим. Это Комната.

Среди страниц она нашла то, что искала. Чертёж. Подробный план подземелий под Королевским замком - тех самых, где находилась его основная лаборатория, та, в которой он запер себя навсегда. На плане были отмечены все входы и выходы. Все ловушки. Все секреты. И среди них - один, о котором не знал даже Гофман. Потайной ход, ведущий прямо к Пси-призме. К узлу реальности. К Кальпу. Ход, который Кальп построил на случай, если ему понадобится бежать. Которым он так и не воспользовался. Алиса поняла: это был её шанс. Если она сможет

проникнуть в лабораторию через этот ход, она сможет добраться до Кальпа раньше Гофмана. Сможет активировать узел. Сможет переписать код симуляции.

- Мы должны вернуться, - сказала она фон Лютцову, сворачивая карту. - Немедленно. У нас есть план.

Она бережно закрыла Кодекс и уже собиралась уходить, когда заметила ещё кое-что. На последней странице, той, которую она чуть не пропустила, была приписка. Сделанная дрожащей рукой, явно позже, чем основной текст. «Я ошибался. Узел реальности - это не выбор одного человека. Это выбор всех. Каждый, кто прикасается к Комнате, становится частью узла. Каждый, кто делает выбор, меняет реальность. Не пытайся контролировать их. Не пытайся спасти их. Просто дай им свободу. И они спасут себя сами». Алиса перечитала эти строки несколько раз. Кальп понял это слишком поздно. Но она поняла вовремя.

Они выбрались из собора тем же путём, что и вошли. Дождь усилился, превратившись в настоящий ливень. Улицы были пусты - все попрятались по домам. Алиса и фон Лютцов бежали, пригибаясь, прячась в подворотнях. Им нужно было добраться до университета, а оттуда - через потайной ход в лабораторию. Алиса сжимала в руке карту, которую нашла в Кодексе, и мысленно прокладывала маршрут.

Но когда они подходили к университету, Алиса заметила их. Агенты. На этот раз не двое - целый отряд. Человек десять, в форме СС, с автоматами. Они окружали здание, перекрывая все входы и выходы. Гофман знал, что они вернуться. Он ждал. Алиса схватила фон Лютцова за руку и потянула в сторону.

- Уходим, - прошептала она. - Через чёрный ход. Там, за библиотекой, есть служебный вход. Мы проберёмся через него.

Они обогнули университет, держась в тени деревьев. Дождь хлестал по лицу, заливал глаза, но Алиса не обращала внимания. Она нашла служебный вход - маленькую дверь, скрытую за кустами сирени, - и открыла её ключом, который предусмотрительно захватила с собой. Они скользнули внутрь. Внутри было темно и тихо. Они спустились в подвал, а оттуда - в туннель. Но когда они дошли до того места, где туннель должен был вести к лаборатории, они увидели, что путь заблокирован. Не физически - информационно. Пространство перед ними было искажено, как в кривом зеркале. Предметы двоились, троились, меняли форму. Пол уходил из-под ног. Стены изгибались под невозможными углами. Это была ловушка Гофмана. Он изменил симуляцию, чтобы не дать им уйти.

- Что будем делать? - спросил фон Лютцов, стараясь не смотреть на искажение - от него кружилась голова.

Алиса задумалась. Она не могла пробиться через искажение силой - у неё не было ни мутации, ни призмы. Но она могла использовать другое. Она вспомнила слова Канта-проекции: «Здесь время течёт иначе. Всё перепутано». Если симуляция нестабильна, значит, искажение тоже нестабильно. Оно держится на алгоритме - том самом, который Гофман контролирует. Но контроль не абсолютен. Есть баги. Есть уязвимости. Алиса вспомнила кошку на подоконнике - ту самую, которую она видела несколько дней назад, и чья анимация повторялась циклически. И вспомнила вывеску, которая меняла надпись каждый раз, когда она отворачивалась. И фонарь, тень от которого падала не в ту сторону. Все эти мелочи были не просто ошибками. Они были точками входа. Точками, через которые можно было воздействовать на симуляцию.

Она закрыла глаза и сосредоточилась. Не на мутации - её здесь не было. Не на импланте - его здесь не было. На своей воле. На своём желании пройти. На своём праве быть здесь. Она представила, как искажение расступается перед ней, как вода расступается перед пловцом. Она вложила в это представление всю свою силу - не физическую, а душевную. Всю свою любовь. Всю свою боль. Всю свою надежду.

И искажение... отступило. Всего на мгновение. Но этого хватило. Пространство перед ними выровнялось, стало нормальным. Алиса схватила фон Лютцова за руку и потащила впе-

рѣд. Они проскочили через коридор, и искажение сомкнулось за их спинами, как вода. Они были в безопасности. По крайней мере, на время.

Вернувшись в лабораторию, Алиса немедленно начала подготовку. Она разложила на столе карту, найденную в Кодексе, и показала её остальным. Потайной ход, о котором не знал Гофман, вёл прямо к Пси-призме - к тому месту, где Кальп запер себя в петле. Если они смогут проникнуть туда незаметно, они смогут активировать узел реальности до того, как Гофман нанесёт удар.

- Это опасно, - сказал фон Лютцов, изучая карту. - Гофман наверняка охраняет все подходы к лаборатории. Даже если он не знает об этом ходе, он может устроить засаду где-то поблизости. У него целая армия. У нас - только мы.

- У нас нет выбора, - ответила Алиса. - Шталь должен сделать свой выбор. И он должен сделать его там. В присутствии Кальпа. В присутствии Комнаты. Только так узел активируется. Это записано в Кодексе. Это подтвердил Кант-проекция. Другого пути нет.

Шталь, слушавший их, подошёл ближе. Он выглядел бледным, но решительным. За последние дни он изменился - Алиса видела это. Из испуганного почтальона, который не понимал, что происходит, он превратился в человека, готового принять свою судьбу.

- Я готов, - сказал он. - Я пойду. Я сделаю то, что должен. Я не знаю, что именно я должен сделать, но я чувствую... что-то. Как будто кто-то ведёт меня. Как будто всё, что происходило в моей жизни - работа на почте, прогулки по городу, даже та пуговица, которую я нашёл на мостовой, когда был ребёнком, - всё это вело меня к этому моменту. Я не могу объяснить. Просто чувствую.

Алиса посмотрела на него. На этого простого человека, который стал ключом к судьбе двух реальностей. Она видела страх в его глазах. Но видела и решимость. И что-то ещё - что-то, чего она не ожидала увидеть. Веру. Не в Бога. Не в судьбу. В себя.

- Хорошо, - сказала она. - Тогда идём. Завтра. На рассвете. Когда Гофман меньше всего ожидает. Когда его агенты устанут после ночного дежурства. Когда симуляция будет наиболее уязвима. Мы пройдем через потайной ход. Я пойду первой. Шталь - за мной. Фон Лютцов - замыкающий. Мы будем двигаться быстро и тихо. Если встретим сопротивление - прорываемся. Главное - добраться до Кальпа. Остальное - не важно.

Последнюю ночь перед вылазкой они провели в лаборатории. Никто не спал. Слишком велико было напряжение. Слишком близок был финал. Алиса сидела у Пси-призмы, проверяя расчёты. Она запускала симуляции - одну за другой, пытаясь предугадать действия Гофмана. Но результаты были нестабильны. Слишком много переменных. Слишком много вероятностных ветвей. В одной симуляции они побеждали. В другой - погибали. В третьей - всё заканчивалось ничем, и петля продолжалась. Алиса отключила призму и потёрла уставшие глаза. Она сделала всё, что могла. Остальное - в руках судьбы. Или случая. Или Шталя.

Фон Лютцов чистил оружие - привычка старого солдата. Он разобрал свой «Вальтер», протёр каждую деталь, смазал, снова собрал. Потом проверил запасные обоймы. Потом снова разобрал. Это был его способ справляться с напряжением. Алиса понимала его. Она сама когда-то, в другой жизни, в другой реальности, делала то же самое перед боем.

Шталь сидел в углу, глядя в стену, и что-то шептал. Сначала Алиса думала, что он молится. Но, прислушавшись, она поняла: он читает стихи. Те самые, из томика Рильке, который она видела у него в руках при их первой встрече. «Ибо красота - это лишь начало ужаса, который мы ещё способны вынести». Алиса не знала этого стихотворения. Но она понимала его смысл. Красота этого мира - даже симулированного, даже иллюзорного - была началом ужаса. Ужаса потери. Ужаса смерти. Ужаса выбора. И Шталь, простой почтальон, был готов вынести этот ужас.

Кальп, как всегда, был погружён в транс. Но сегодня его свечение было ярче. Словно он чувствовал, что конец близок. Словно он собирал последние силы для финального рывка.

Алиса подошла к нему и села рядом. Она взяла его за руку - холодную, как лёд, но всё ещё живую.

- Завтра, - сказала она. - Завтра всё закончится. Так или иначе. Я обещаю: я завершу то, что вы начали. Вы сможете уйти. Вы сможете обрести покой. Вы заслужили его.

Кальп не ответил. Но его пальцы, лежавшие в её ладони, чуть сжались. Словно он хотел поблагодарить её. Словно он хотел попрощаться.

В полночь, когда часы на башне собора - те самые, что шли вспять, - пробили двенадцать, Кальп снова вышел из транса. Его глаза открылись, и в них горел знакомый огонь. Огонь решимости. Огонь надежды. Огонь любви.

- Ты готова, - произнёс он. Это был не вопрос. Утверждение.

- Готова, - ответила она.

- Тогда слушай внимательно, - сказал он, и его голос звучал ясно и отчётливо, как никогда раньше. - Когда Шталь сделает свой выбор, узел активизируется. Это вызовет цепную реакцию. Симуляция начнёт схлопываться - не хаотично, а упорядоченно, слой за слоем. У тебя будет всего несколько минут, чтобы покинуть её. Ты должна быть быстрой. Если ты не успеешь, ты останешься здесь навсегда. Как я. Твоё сознание будет заперто в этой петле, и ты будешь переживать этот момент снова и снова. Вечно.

- Я успею, - ответила Алиса. - Обещаю.

- Не обещай того, чего не можешь выполнить, - сказал Кальп, и в его голосе послышалась печаль. - Я тоже когда-то обещал. И не смог. Просто... постарайся. Этого достаточно.

Алиса сжала его руку крепче.

- Я вернусь за вами, - сказала она. - Когда-нибудь. Когда найду способ. Я освобожу вас. Как обещала Архивариусу. Как обещала всем, кто заперт в этой сети.

Кальп слабо улыбнулся.

- Я знаю, - прошептал он. - Я верю тебе. А теперь иди. И заверши начатое.

Он закрыл глаза и снова погрузился в транс. Но теперь его лицо было не измождённым, а умиротворённым. Он сделал всё, что мог. Остальное - за ней.

Рассвет ещё не наступил, когда они двинулись в путь. Алиса шла первой, держа в руке фонарь и карту, найденную в Кодексе. За ней следовал Шталь, потом фон Лютцов, замыкавший группу. Потайной ход начинался в дальнем углу лаборатории, за старым алхимическим шкафом. Алиса с трудом отодвинула его - металлические ножки проскрежетали по каменному полу, - и за ним открылся узкий туннель, уходящий в темноту. Стены были сложены из древнего кирпича, покрытого плесенью и светящимся мхом - тем самым, биолюминесцентным, который питался энергией распада органики и который Алиса видела в подземельях Архива. Значит, этот ход был построен алхимиками Альбертины. Он существовал задолго до Гофмана и, возможно, даже до Кальпа. Его строили те, кто знал, что однажды тайна янтаря должна быть сохранена. Те, кто верил, что придёт оператор. И вот оператор пришёл.

Они шли по туннелю около часа. Алиса сверялась с картой, отмечая повороты. Туннель был извилистым - он петлял, словно змея, обходя какие-то подземные препятствия, о которых Алиса могла только догадываться. Несколько раз они проходили мимо ответвлений - боковых ходов, уходящих в темноту, - но Алиса не сворачивала. Она знала путь. Наконец, они достигли развилки. Два коридора. Один вёл налево, другой - направо. На карте был отмечен только левый. Правый отсутствовал. Алиса поняла: это ловушка. Гофман, должно быть, создал этот коридор, чтобы сбить с пути непрошенных гостей. Тех, кто не имел карты. Тех, кто не знал пути.

- Налево, - сказала она.

Они свернули. Правый коридор остался позади, и Алиса почувствовала, как от него веет холодом - тем самым информационным холодом, который она так хорошо знала. Там была пустота. Небытие. Если бы они пошли туда, они бы исчезли. Растворились в симуляции. Стали бы её частью.

Через несколько минут они вышли в небольшую камеру. Здесь было светлее - свет исходил от стен, покрытых всё тем же биолюминесцентным мхом. В центре камеры стояла старая деревянная дверь, обитая железными полосами. На двери был замок - не механический, а какой-то другой, с янтарной вставкой. Алиса узнала его. Такой же был на двери в Архив. Такой же был на стене из чёрного янтаря в лаборатории Кальпа. Замок, который открывался только кровью оператора.

Она достала нож - маленький, складной, который всегда носила с собой, - и сделала надрез на ладони. Кровь выступила мгновенно - тёмная, почти чёрная в тусклом свете. Алиса приложила ладонь к замку. Тот вспыхнул золотым светом - и открылся. Дверь распахнулась. За ней была лаборатория Кальпа. Они вошли с другой стороны - не через главный вход, а через этот потайной ход. Теперь они были внутри. Оставалось только дожидаться момента.

Они не успели. Едва они вошли в лабораторию, как главный вход с грохотом распахнулся. В комнату ворвались люди - эсэсовцы в чёрной форме, с автоматами наперевес. Их было не меньше дюжины. Они рассредоточились по залу, беря прищельцев в кольцо. За ними, не спеша, словно на прогулке, вошёл Гофман. Он был одет в элегантный костюм цвета тёмного графита, с неизменной булавкой из чёрного янтаря на галстучке. Его лицо выражало холодное удовлетворение. Он знал. Знал, что они здесь. Знал, что они нашли потайной ход. И он ждал их.

- Алиса, Алиса, - произнёс он, качая головой с притворным сожалением. - Вы думали, что сможете переиграть меня? В моей собственной симуляции? Вы самонадеянны. Всегда были самонадеянны. Я дал вам шанс. Предложил сотрудничество. Вы отказались. Теперь пеняйте на себя.

Алиса выхватила пистолет. Фон Лютцов сделал то же самое. Но они были в меньшинстве. Эсэсовцев было слишком много. Сопrotивление было бесполезно. Гофман подошёл ближе, не обращая внимания на оружие. Он знал, что они не выстрелят - по крайней мере, не сейчас. Они были в ловушке, и он хотел насладиться моментом.

- Отдайте мне почтальона, - сказал он. - И я, возможно, сохраню вам жизнь. Вам и вашему капитану. Шталь - всё, что мне нужно. Остальное - не важно. Я перепишу реальность так, как считаю нужным. Я создам новый мир - мир без войн, без страданий, без хаоса. Мир, в котором каждый будет на своём месте. А вы... вы станете лишь воспоминанием. Тенью. Призраком. Как Кальп.

- Вы не получите его, - ответила Алиса. - Он - не ваша собственность. Он - свободный человек. И он сделает свой выбор. Не тот, который выгоден вам.

Гофман рассмеялся - холодным, безжизненным смехом.

- Вы всё ещё верите в свободу воли? - спросил он. - В этой симуляции нет свободы. Всё предопределено. Каждый выбор, каждое решение - всё это часть алгоритма. Шталь думает, что он свободен. Но он ошибается. Я покажу вам.

Он щёлкну пальцами. Эсэсовцы расступились, и вперёд вышел человек. Точнее, не человек. Это была проекция. Копия Шталя. Точная. Идеальная. Она стояла перед настоящим Шталем и смотрела на него с той же смесью страха и решимости. Копия дышала, моргала, даже нервно сжимала и разжимала пальцы - точно, как оригинал. Это была не просто иллюзия. Это была полноценная симуляция, созданная Гофманом.

- Это симуляция, - сказал Гофман. - Я создал её, чтобы доказать вам: ваш почтальон - не уникален. Его можно заменить. Его можно скопировать. Его выбор ничего не значит. Потому что выбор - это иллюзия. Реальность - это то, что я решу. Я - бог этого мира. Я - творец. Я - оператор. А вы - всего лишь переменные в моём уравнении.

Алиса посмотрела на Шталя. Тот был бледен, но держался. Она видела, как его руки дрожат. Как на лбу выступает испарина. Как глаза бегают между Гофманом и его копией. Но он не сломался. Он сделал шаг вперёд и посмотрел на Гофмана.

- Вы ошибаетесь, - произнёс он, и его голос, хотя и дрожал, звучал твёрдо. - Я - не иллюзия. Я - человек. У меня есть душа. У меня есть воля. У меня есть выбор. И я сделаю его. Не тот, который вы хотите. Не тот, который хочет она. А тот, который считаю правильным. Я выбрал. И я не отступлю.

Гофман перестал смеяться. Его лицо стало холодным, как лёд.

- Что ж, - сказал он. - Тогда вы умрёте. Все.

Он поднял руку, чтобы отдать приказ. Но в этот момент Кальп, сидевший в своём кресле, открыл глаза.

- Достаточно, - произнёс Кальп. Его голос, обычно тихий и хриплый, теперь звучал громко, отчётливо, властно. Он заполнил всю лабораторию, отражаясь от стен, проникая в каждую клетку, в каждую мысль. - Ты зашёл слишком далеко, Гофман. Ты думаешь, что контролируешь эту симуляцию. Но ты ошибаешься. Ты - всего лишь паразит. Ты питаешься моей энергией. Моими знаниями. Моей болью. Но ты не можешь контролировать то, что создано не тобой. Ты не можешь контролировать то, что создано из любви.

Гофман обернулся к нему. Его лицо исказилось от ярости - той самой, которую он так тщательно скрывал за маской холодного спокойствия.

- Ты! - закричал он. - Ты должен быть мёртв! Ты должен был исчезнуть двести лет назад! Почему ты всё ещё здесь?! Почему ты не умираешь?!

- Потому что я ждал, - ответил Кальп. - Ждал того, кто завершит начатое. И она пришла. - Он указал на Алису. - Она - оператор. Она - наследница. Она - та, кого я ждал двести лет. И она завершит то, что я не смог. А ты... ты исчезнешь. Как исчезают все паразиты, когда организм начинает бороться.

Он поднял руку, и Пси-призма вспыхнула ослепительным светом. Лаборатория наполнилась энергией - той самой, которую Кальп копил двести лет. Эсэсовцы, которые были частью симуляции, замерли, как статуи. Их тела окаменели, их глаза остекленели. Они были всего лишь алгоритмами, и Кальп, как создатель этой реальности, мог отключить их в любой момент. Гофман закричал - его тело, бывшее проекцией, начало распадаться. Он пытался удержать форму, но энергия Кальпа была сильнее. Слой за слоем, как шелуха, с него слетала иллюзия человеческого облика, обнажая пустоту внутри.

- Это не конец! - кричал он. - Я вернусь! Я всегда возвращаюсь! Я копировал себя в десятки резервных матриц! Я сохранюсь! Я...

- Нет, - сказала Алиса. - Не в этот раз.

Она подошла к Пси-призме и положила ладонь на её поверхность. Шталь встал рядом с ней. Он знал, что делать. Он сделал свой выбор - там, в своём сердце. И теперь этот выбор стал реальностью. Узел активировался. Симуляция начала схлопываться.

Глава 7: Ловушка Гофмана

Когда ладонь Шталя коснулась поверхности Пси-призмы, мир вокруг них изменился. Это произошло не постепенно, не плавно, а мгновенно - словно кто-то выключил свет, а затем включил его снова, но уже другой. Лаборатория Кальпа, с её каменными стенами, алхимическими приборами и мерцающим светом, исчезла, растворилась, как утренний туман. Вместо неё вокруг Алисы, Шталя и фон Лютцова развернулась бесконечная белая пустота - та самая, которую Алиса уже видела однажды, когда проходила испытание Архивариуса в подземельях под Кафедральным собором. Тогда она была одна, и пустота испытывала её. Теперь она была здесь с двумя спутниками, и пустота не испытывала - она угрожала.

Алиса стояла в центре этой пустоты, чувствуя, как энергия пронизывает каждую клетку её тела. Узел реальности, активированный выбором Шталя, запустил цепную реакцию, которая не могла быть остановлена. Все вероятностные ветви, все возможные реальности, все несбывшиеся будущие - всё это схлопывалось в одну точку. В эту точку. В этот момент. Алиса чув-

ствовала, как её сознание расширяется, как возвращаются способности, утраченные в симуляции. Мутация, спавшая всё это время, пробудилась с новой силой. Имплант, которого не было в симуляции, снова пульсировал в затылке, передавая сигналы от сети. Связь с лесом, с Матерью-Смолой, со всем, что было ей дорого, восстановилась в одно мгновение. Она снова была оператором. Не Анной Штерн, ассистенткой профессора минералогии, а Алисой Штерн, стражем реальности. Она чувствовала всё. Каждую вероятностную ветвь, расходящуюся от этого момента. Каждую частицу информации, записанную в янтаре. Каждую душу, запертую в сети.

Шталь стоял рядом с ней, ошеломлённый, не понимающий, что происходит. Его ладонь всё ещё была прижата к призме - вернее, к тому, что осталось от призмы в этом промежуточном пространстве, - и от неё расходились золотые волны. Те самые, которые активировали узел. Те самые, которые меняли реальность. Он был ключом. Простой почтальон, который нашёл на пляже кусочек чёрного янтара и хранил его как талисман. Он открыл дверь. И теперь за этой дверью их ждало нечто, чего никто не ожидал. Не свобода. Не возвращение домой. А ловушка. Та самая, которую Гофман приготовил для них. Та самая, о которой предупреждал Кальп.

Из белой пустоты начали проступать фигуры. Не люди - тени. Они были похожи на те, что Алиса видела в Архиве, когда спускалась в подземелья. Призраки Альбертины - операторы, которые пытались управлять Комнатой и потерпели крах. Но эти тени были другими. Более агрессивными. Более голодными. Более... отчаянными. Они тянули к Алисе свои полупрозрачные руки, и их голоса - тысячи голосов, слитых в один, - шептали, умоляли, требовали. «Останься с нами. Не уходи. Здесь твой дом. Здесь твоя вечность. Здесь ты никогда не умрёшь. Здесь ты никогда не потеряешь тех, кого любишь. Останься. Останься. Останься».

Алиса узнала этот шёпот. Так говорила симуляция, когда пыталась удержать её. Так говорил Гофман, когда предлагал сотрудничество в ресторане «Блютгерихт». Это была ловушка. Если она поддастся, если она поверит, что эта пустота - реальность, она останется здесь навсегда. Как Кальп, который двести лет просидел в своём кресле, пытаясь вычислить идеальный исход. Как все, кто пытался управлять Комнатой и потерпел крах. Она не могла допустить этого. Не после всего, что она пережила. Не после того, как она дала обещание Кальпу. Не после того, как Шталь сделал свой выбор.

- Не слушайте их, - произнесла она, обращаясь к Шталю и фон Лютцову. Её голос звучал твёрдо, хотя внутри неё всё дрожало. - Это иллюзия. Это Гофман пытается удержать нас. Он создал эту ловушку, чтобы мы не смогли уйти. Мы должны найти выход. Должны вернуться в реальность.

Но Шталь, казалось, не слышал её. Он смотрел на тени, и в его глазах был не просто ужас - было узнавание. Он видел что-то, чего не видела она. Что-то, что Гофман создал специально для него. Что-то, что било в самое сердце. Алиса схватила его за плечо и встряхнула, пытаясь привести в чувство.

- Шталь! Генрих! Посмотри на меня! Что ты видишь?

- Мою жену, - прошептал он, и его голос дрожал. - Мою Марту. Она стоит там, среди теней. Она зовёт меня. Говорит, что я нужен ей. Что наш сын болен. Что я должен вернуться домой. Что я не должен уходить. - Он поднял руку, словно пытаясь коснуться кого-то невидимого. - Я вижу её так ясно. Она в нашем доме. В нашей кухне. Она печёт хлеб. Тот самый, с тмином, который я так люблю. Она улыбается мне. Она ждёт меня.

Алиса поняла: Гофман использовал против Шталя его собственные воспоминания. Его любовь. Его страх. Его вину за то, что он оставил семью, отправившись на работу в то утро, когда всё началось. То же самое, что Гофман пытался сделать с ней в ресторане «Блютгерихт», когда показывал ей иллюзию успеха и власти. Он показывал людям то, что они хотели видеть. То, ради чего они были готовы отказаться от свободы. Это была его стратегия. Его оружие. И оно работало безотказно. Потому что каждый человек носит в себе семя сомнения. Каждый

человек хочет верить, что есть лёгкий путь. Путь без боли. Без потерь. Без жертв. И Гофман предлагал этот путь. Лживый, иллюзорный, но такой соблазнительный.

Алиса вспомнила, как сама чуть не поддавалась подобному искушению - там, в симуляции, когда увидела Маркуса в своей квартире в Пало-Альто. Как ей хотелось поверить, что можно просто остаться. Просто жить. Просто быть счастливой. Но она не поддалась. Потому что знала: настоящее счастье не в иллюзиях. Настоящее счастье - в правде. В любви, которая принимает боль. В свободе, которая требует ответственности. И теперь она должна была помочь Шталю понять это.

- Генрих, - сказала она, и её голос стал мягче. - Посмотри на меня. Всё, что ты видишь, - это ложь. Гофман использует твои воспоминания против тебя. Твоя жена, твой сын - они не здесь. Они в твоём сердце. В твоей памяти. Они всегда будут с тобой. Но ты должен идти. Должен завершить начатое. Ради них. Ради всех, кого ты любишь. Ради того, чтобы твой сын вырос в мире, где нет тиранов, которые манипулируют реальностью.

Шталь медленно, очень медленно повернул голову. Его глаза, полные слёз, встретились с глазами Алисы. В них была боль. Была тоска. Была любовь. Но было и что-то ещё. Что-то, что заставило Алису поверить: он справится.

- Я знаю, - прошептал он. - Я знаю, что это иллюзия. Но она такая... настоящая. Я видел свою жену. Она была так близко. Я мог бы коснуться её. Я слышал запах хлеба. Чувствовал тепло её руки. Я хотел остаться. Так сильно хотел.

- Я понимаю, - ответила Алиса. - Я тоже хотела. Но мы не можем. Потому что мы нужны там. В реальности. Мы нужны тем, кто ждёт нас. Ты коснёшься своей жены - по-настоящему, - когда вернёшься. Когда всё закончится. А сейчас - идём. Нам нужно найти выход.

Но Гофман не сдавался. Белая пустота вокруг них начала меняться, приобретать форму, цвет, текстуру. Она реагировала на их мысли, на их страхи, на их желания. Алиса увидела, как из ничего возникает комната - маленькая, уютная, с камином и книжными полками. Комната, которую она никогда не видела в реальности, но которую сразу узнала. Это была её квартира в Пало-Альто. Та самая, которую она покинула много месяцев назад, когда получила известие о смерти деда. Вот её рабочий стол с тремя мониторами, на которых горели строки кода. Вот её любимое кресло - потёртое, но удобное. Вот фотография матери на полке - та самая, которую она всегда возила с собой. Всё было точь-в-точь, до мельчайших деталей. Даже пыль на мониторах. Даже трещина на кофейной чашке.

И в кресле сидел человек. Маркус. Её бывший начальник. Её друг. Он выглядел точно так же, как в день их последней встречи - взлохмаченный, в неизменной футболке с логотипом «НейраЛабс», с чашкой кофе в руке. Он улыбался ей - той самой улыбкой, которой всегда встречал её по утрам.

- Алиса! - воскликнул он. - Ты вернулась! Мы так волновались за тебя. Где ты была? Садись, расскажи. Я приготовил кофе. Твой любимый, с корицей. Помнишь, как ты говорила, что только такой кофе спасает тебя по утрам?

Алиса замерла. Она знала, что это иллюзия. Знала, что Маркус - не настоящий. Знала, что всё это - ловушка, созданная Гофманом, чтобы удержать её. Но как же ей хотелось поверить. Как хотелось сесть в это кресло, выпить кофе, забыть обо всём. О Гофмане. О Кальпе. О симуляции. О войне за реальность. Просто жить. Просто быть человеком. Просто быть Алисой Штерн, нейросетевым архитектором, которая проектирует алгоритмы и не знает никаких янтарных комнат.

Она сделала шаг к креслу. Ещё один. Протянула руку, чтобы коснуться спинки - такой знакомой, такой родной. И остановилась. Вовремя. Она вспомнила. Вспомнила всё. Игоря, который погиб, прикрывая её. Кирилла, который подорвал себя гранатой. Павла, который пал на маяке. Ольгу, которая ждала её сейчас в реальном мире. Дмитрия. Эвальда. Алексея. Всех,

кто верил в неё. Всех, ради кого она сражалась. Она не могла предать их. Не могла остаться здесь, в иллюзорном комфорте, пока они ждут её возвращения.

- Нет, - сказала она, и её голос прозвучал громче, чем она ожидала. - Ты - не Маркус. Ты - проекция. Ты - то, что Гофман хочет, чтобы я видела. Ты - искушение. Но я не поддамся. Я не останусь здесь. Я вернусь домой. В свой настоящий дом. К своим настоящим друзьям.

Иллюзия начала рассеиваться. Комната задрожала, потеряла чёткость. Маркус встал с кресла и посмотрел на неё - и в его глазах она увидела не обиду, а понимание.

- Я знаю, - сказал он. - Я всегда знал, что ты не останешься. Ты не из тех, кто сдаётся. Ты - боец. Всегда была бойцом. И я горжусь тобой. Мы все гордимся тобой. Возвращайся. Твоё место - здесь. Твой код всё ещё работает. Твои проекты ждут тебя. Но даже если ты не вернёшься в «НейраЛабс» - просто возвращайся. Мы будем ждать.

Иллюзия растаяла. Комната исчезла, растворилась в белой пустоте. Алиса осталась стоять, чувствуя, как слёзы текут по щекам. Она не знала, было ли это послание от настоящего Маркуса или просто часть иллюзии, созданной Гофманом. Но это не имело значения. Главное - она не сдалась. Она сделала свой выбор. И теперь должна была помочь сделать его Шталю.

Она повернулась к почтальону. Тот всё ещё стоял, оцепенев, глядя на что-то, чего она не видела. Его иллюзия была другой - более личной, более болезненной. Алиса подошла к нему и увидела то, что видел он. Маленький домик на окраине Кёнигсберга. Кухня, залитая утренним солнцем. Женщина - молодая, светловолосая, с добрым лицом, - которая стояла у плиты и месила тесто. Марта, жена Шталя. И мальчик лет пяти, который сидел за столом и рисовал что-то в альбоме. Сын. Маленький Генрих. Шталь стоял на пороге кухни, и его лицо было искажено болью. Он хотел войти. Хотел обнять их. Хотел остаться. Но что-то удерживало его. Может быть, слова Алисы. Может быть, его собственная совесть.

- Я не могу, - прошептал он. - Я не могу оставить их. Они - всё, что у меня есть. Если я уйду, кто позаботится о них? Кто защитит их?

- Ты уже защитил их, - ответила Алиса. - Своим выбором. Тем, что ты сделал. Ты спас реальность - не одну, а две. Ты сделал то, чего не смог сделать никто до тебя. Ты - герой, Генрих. И твоя жена, твой сын - они гордились бы тобой. Они и так гордятся. Потому что ты - хороший человек. Ты сделал правильный выбор.

Шталь посмотрел на неё. В его глазах всё ещё стояли слёзы, но теперь в них было что-то новое. Решимость. Та самая, которую Алиса видела у него в лаборатории, когда он сказал: «Я выбираю третье».

- Вы правы, - сказал он. - Я сделал выбор. И я не отступлю. Но... могу я попрощаться с ними? В последний раз?

Алиса кивнула. Она не знала, правильно ли это - позволять ему взаимодействовать с иллюзией. Но она чувствовала: ему это нужно. Чтобы отпустить. Чтобы идти дальше. Шталь подошёл к иллюзорной кухне. Переступил порог. Его жена подняла голову и улыбнулась ему - той самой улыбкой, которую он помнил с первого дня их знакомства. Он обнял её - и его руки прошли сквозь неё, потому что она была лишь проекцией. Но он всё равно почувствовал тепло. Тепло любви. Тепло памяти. Тепло надежды.

- Прощай, Марта, - прошептал он. - Прощай, мой маленький Генрих. Я люблю вас. Всегда любил. Всегда буду любить. Но я должен идти. Должен завершить начатое. Простите меня.

Иллюзия растаяла. Шталь остался стоять в белой пустоте, опустив голову. Но когда он поднял её, Алиса увидела: он был готов. Он попрощался. Он отпустил. И теперь он мог идти дальше.

Они двинулись через белую пустоту, держась за руки, чтобы не потерять друг друга. Фон Лютцов шёл рядом, молчаливый и собранный. Его иллюзия, если она и была, не смогла его поколебать - старый солдат привык к психологическим атакам. Он видел слишком много смер-

тей, слишком много боли, чтобы поддаться на уловки Гофмана. Его лицо было спокойным, но Алиса знала: внутри он напряжён до предела. Он ждал подвоха. И он был прав.

Они шли, и белая пустота вокруг них менялась. Она показывала им образы - один за другим, как в калейдоскопе. Вот Кёнигсберг 1939 года, с его трамваями и каштанами, с его барочными фасадами и запахом свежей выпечки. Вот Калининград из реальности Алисы, с его руинами и новостройками, с его серым небом и криками чаек. Вот Архив, с его двенадцатью секторами и хранителями, чьи голоса Алиса всё ещё слышала в своём сознании. Вот маяк на Куршской косе, где она провела столько дней, где она впервые почувствовала покой после долгой войны. Вот форт №5, где она сражалась с Бароном, где погибли её друзья. Все эти места были частью её. Частью её прошлого. Частью её личности. И Гофман использовал их, чтобы запутать её, чтобы заставить её забыть, кто она и зачем здесь.

Но Алиса не забывала. Она помнила всё. Каждую битву. Каждую потерю. Каждую победу. Она помнила лицо матери, которая пела ей колыбельную. Помнила лицо деда, который верил в неё до последнего вдоха. Помнила лицо Игоря, который улыбался ей на маяке. Помнила лица всех, кого она потеряла и кого продолжала любить. И она знала: выход где-то рядом. Он должен быть здесь. Где-то в этой пустоте, среди иллюзий и теней, скрывается дверь. Та самая, о которой говорил Кальп. Дверь, которая ведёт обратно в реальность.

Она остановилась и закрыла глаза. Она попыталась почувствовать сеть - ту самую, частью которой она была. Сначала ничего не было - только белый шум, только пустота, только шёпот теней. Но затем, на самой границе восприятия, она уловила знакомый сигнал. Слабый, едва различимый, как далёкая звезда в ночном небе. Сигнал Матери-Смолы. Сигнал леса. Сигнал дома. Сигнал, который вёл её через все испытания. Она пошла на этот сигнал, ведя за собой Штalia и фон Лютцова. Они шли долго - может быть, минуты, может быть, часы. Время в этом месте текло иначе, и Алиса давно перестала пытаться его измерять. Наконец, впереди показался свет. Не белый, не золотой, не иллюзорный. Обычный, дневной. Свет реального мира. И в этом свете они увидели её. Дверь. Обычную деревянную дверь с табличкой «Выход». Ту самую, которую Алиса видела во время своего первого падения через слои симуляции вместе с Кальпом. Дверь была приоткрыта, и из-за неё лился свет, пахло морем и соснами. Пахло домом.

- Это она, - прошептала Алиса. - Это выход. Мы нашли его.

Но, прежде чем они успели сделать шаг к двери, перед ними возникла фигура. Высокая, тёмная, сотканная из теней и пустоты. У неё не было лица - только два горящих глаза, холодных и безжалостных. Голос, который исходил от неё, был голосом Гофмана, но искажённым, как будто доносящимся из глубины колодца.

- Вы думали, что сможете уйти? - произнесла фигура. - Вы думали, что я позволю вам? Нет, Алиса. Эта дверь - для меня. Я пройду через нее. Я вернусь в реальность. Я стану богом. А вы... вы останетесь здесь. Навсегда. Как Кальп. Как все, кто пытался меня остановить.

Алиса не колебалась ни секунды. Она знала, что это момент истины. Либо она победит Гофмана здесь, в этом промежуточном пространстве, либо всё будет кончено. Она выхватила пистолет - тот самый, с четырьмя патронами, который забрала у агента гестапо, - и выстрелила в фигуру. Пуля прошла сквозь неё, не причинив вреда. Гофман рассмеялся - холодным, безжизненным смехом, от которого мороз пробегал по коже.

- Ваше оружие бесполезно здесь, - сказал он. - Это моё царство. Моя реальность. Мои правила. Вы - всего лишь гости. Незваные гости. Вы думаете, что можете победить меня в моём собственном мире? Вы самонадеянны. Всегда были самонадеянны.

Алиса отбросила пистолет. Она знала, что физическое оружие здесь не поможет. Гофман был прав - в этом промежуточном пространстве, созданном его волей, обычные законы не действовали. Нужно было другое оружие. То, которое всегда было с ней. То, которое она носила в себе с самого начала.

Она закрыла глаза и сосредоточилась. Она обратилась к своей мутации - той самой, которая вернулась к ней после активации узла. Она почувствовала, как энергия наполняет её тело. Как связь с лесом становится крепче. Как Мать-Смола отвечает на её зов. Как двенадцать хранителей - те, кто отдал ей свои ключи, - шепчут слова поддержки. Она открыла глаза - и они засветились золотом. Шрам-лабиринт на её коже - тот самый, который исчез, когда она попала в симуляцию, - проступил снова, пульсируя в такт биению сети. Она снова была собой. Настоящей. Полной.

- Ты ошибаешься, Гофман, - произнесла она, и её голос звучал спокойно, почти буднично. - Это не твоё царство. Это царство Кальпа. Ты - всего лишь паразит, который питается чужой энергией. Ты захватил эту симуляцию, но ты не создавал её. Ты не понимаешь её. Ты не понимаешь, что она была построена не для власти. Она была построена для любви. Для защиты. Для спасения. И я здесь, чтобы завершить то, что начал Кальп. Чтобы изгнать тебя. Не силой. Любовью.

Она подняла руку, и из её ладони вырвался луч золотого света - той самой энергии, которую она использовала для создания «Этического стража». Луч ударил в тёмную фигуру, и та закричала - не от боли, а от ярости. Она начала распадаться, терять форму, рассыпаться на фрагменты. Но Гофман не сдавался. Он цеплялся за существование с отчаянием утопающего.

- Ты не можешь победить меня! - кричал он. - Я - идея! Я - концепция! Я - воля к власти! Я буду существовать, пока существует человечество! Пока люди боятся, пока они ненавидят, пока они жаждут власти - я буду жить! Ты можешь уничтожить эту проекцию, но ты не можешь уничтожить идею!

- Могу, - ответила Алиса. - Не уничтожить. Трансформировать. Как я сделала с твоим алгоритмом. Как я сделала с Бароном. Как я сделала с Мартой. Ты - не идея. Ты - болезнь. И я здесь, чтобы исцелить тебя.

Она направила на него всю свою любовь. Всю свою боль. Всю свою память. Всё, что она пережила, всё, что она потеряла, всё, что она обрела. Она показала ему свою мать, поющую колыбельную. Своего деда, держащего её на плечах. Игоря, улыбающегося на маяке. Ольгу, обнимающую её перед боем. Всех, кого она любила. Всех, ради кого она сражалась. И Гофман, не выдержав этого, рассыпался окончательно. Его фигура распалась на тысячи фрагментов, которые закружились в воздухе, как снежинки, и растаяли. Гофман исчез. Его сознание, запертое в этой симуляции, было стёрто. Не убито - сохранено. Как она сохраняла всех своих врагов. Он будет заперт здесь, в этой петле, как был заперт Кальп. Но в отличие от Кальпа, он не сможет вырваться. Потому что теперь узел реальности был активирован. Симуляция становилась стабильной. И она больше не принадлежала Гофману.

Алиса опустила руку. Золотой свет погас. Фигура Гофмана исчезла. Перед ними осталась только дверь - всё та же, деревянная, с табличкой «Выход». И за ней - свет. Реальный свет. Свет дома.

- Идём, - сказала Алиса, поворачиваясь к Шталю и фон Лютцову. - Мы должны успеть. Дверь не будет открыта вечно. Узел стабилизируется, и проход закроется.

Шталь колебался. Он смотрел на дверь, и в его глазах была тревога - та самая, которую Алиса видела у него с самого начала.

- А что будет со мной? - спросил он. - Когда я выйду... я вернусь в своё время? В свой 1939 год? К своей жене? К своему сыну? Или исчезну, как все те кандидаты, которых Гофман убил?

Алиса не знала ответа. Она знала только одно: Шталь сделал свой выбор. Он активировал узел. Он спас реальность - обе реальности. И теперь он заслуживал покоя. Какого - она не могла сказать. Может быть, он вернётся в свою симуляцию и проживёт долгую жизнь, не помня о том, что произошло. Может быть, он станет частью сети, как она сама. Может быть, он просто исчезнет, растворится в вероятностях. Она не знала. И эта неопределённость мучила её.

- Я не знаю, - честно ответила она. - Я не могу обещать тебе, что ты вернёшься к своей семье. Я не могу обещать тебе, что ты выживешь. Но я могу обещать тебе одно: ты не исчезнешь. Ты - часть сети теперь. Часть леса. Часть памяти. Ты будешь жить - может быть, не так, как раньше, но будешь. В янтаре. В сердцах тех, кто знал тебя. В реальности, которую ты спас. Я обещаю.

Шталь долго смотрел на неё. Затем кивнул.

- Этого достаточно, - сказал он. - Спасибо вам. За всё. За то, что показали мне правду. За то, что дали мне выбор. Я не забуду вас. Никогда.

Он повернулся к фон Лютцову и пожал ему руку.

- Спасибо, капитан, - сказал он. - За то, что защищали меня. За то, что верили в меня.

- Это была честь для меня, герр Шталь, - ответил фон Лютцов. - Вы - храбрый человек. Более храбрый, чем многие солдаты, которых я знал. Вы сражались не оружием - сердцем. И вы победили. Я горжусь тем, что был рядом с вами.

Затем Шталь повернулся к Алисе.

- Я готов, - сказал он. - Я пойду первым. Если со мной что-то случится - не вините себя. Я сделал свой выбор. Я не жалею.

Он шагнул в дверь. Свет поглотил его - и он исчез. Фон Лютцов последовал за ним, бросив на Алису последний взгляд. Она кивнула ему. Он улыбнулся - впервые за всё время, - и исчез.

Алиса осталась одна перед дверью. Она знала, что за ней - её реальность. Её друзья. Её жизнь. Но она также знала, что часть её навсегда останется здесь. В этой симуляции. В этой битве. В этой петле. Она обернулась и в последний раз посмотрела на белую пустоту. Где-то там, в её глубине, всё ещё существовал Кальп. Всё ещё существовали призраки Альбертины. Всё ещё существовал Гофман - запертый, но не исчезнувший. Она не могла спасти их всех. Но она могла спасти реальность. И она сделала это.

Она шагнула в дверь. Свет поглотил её. И всё исчезло.

Алиса открыла глаза. Она лежала на чём-то твёрдом и холодном. Над ней был каменный потолок - не белая пустота, не симуляция, а настоящий камень, грубо отёсанный, покрытый трещинами и мхом. Она чувствовала запах - не нагретого янтара, а сырой земли и старого дерева. Она чувствовала своё тело - настоящее, физическое, живое. Руки, ноги, спину - всё, что болело после долгой неподвижности. Она была дома. Она вернулась.

Она села, и мир вокруг неё поплыл. Голова кружилась, мышцы ныли, как после долгой болезни. Она огляделась и увидела, что находится в подземном зале Архива - в той самой ротонде, где когда-то собирала ключи хранителей. Вокруг неё стояли люди. Эвальд, с его разноцветными глазами, полными слёз. Ольга, которая бросилась к ней и обняла так крепко, что затрещали кости. Дмитрий, который стоял в стороне и молча сжимал кулаки, не в силах вымолвить ни слова. Алексей, который держал в руках планшет и что-то записывал дрожащими пальцами. И несколько старейшин Круга, которые смотрели на неё с благоговением, как на святую.

- Ты вернулась, - прошептала Ольга, и её голос дрожал. - Ты вернулась. Мы думали, что потеряли тебя. Три дня. Три дня ты лежала без движения. Мы уже хотели отключать тебя от призмы. Эвальд сказал - нет, она вернётся, она всегда возвращается. И он был прав. Ты вернулась.

- Три дня? - переспросила Алиса. - Мне показалось, что прошли недели. Месяцы. Годы.

- Время в симуляции течёт иначе, - сказал Эвальд, и его голос, всегда такой спокойный, сейчас дрожал. - Вы знаете это лучше меня. Главное, что вы здесь. Что вы живы. Что вы снова с нами.

Алиса попыталась встать, но ноги не слушались. Ольга поддержала её, помогла подняться. Алиса оглядела собравшихся - и заметила, что кого-то не хватает.

- Где фон Лютцов? - спросила она. - И Шталь? Они вышли вместе со мной. Где они?

Эвальд покачал головой, и в его глазах мелькнула печаль.

- Мы не знаем, - сказал он. - Вы были единственной, кто появился из призмы. Больше никто не выходил. Возможно, они вернулись в своё время. В свою реальность. Или... - Он не закончил фразу.

Алиса закрыла глаза. Она надеялась, что они спаслись. Что Шталь вернулся к своей Марте, к своему маленькому Генриху. Что фон Лютцов вернулся к своей службе, к своей чести. Но она не могла знать наверняка. Реальность, как всегда, была непредсказуема. Может быть, они стали частью сети. Может быть, они исчезли. Может быть, они обрели покой. Она не знала. И, возможно, никогда не узнает.

Но одно она знала точно: их жертва была не напрасной. Они сделали свой выбор. Они спасли реальность. И она будет помнить их всегда.

Глава 8: Падение в пустоту

Алиса и Кальп падали. Это было не физическое падение - в этом странном месте, куда они попали после того, как антивирус, заложенный Кальпом двести лет назад, разорвал ткань симуляции, не было ни верха, ни низа, ни гравитации, ни материи. Была только информация. Чистая, нефильТРованная, бесконечная. Они падали сквозь слои реальности, как сквозь воду, но вода эта состояла из образов, звуков, эмоций, воспоминаний. Алиса видела сцены из истории Кёнигсберга - не той, симулированной, а настоящей, записанной в янтаре. Она видела, как тевтонские рыцари закладывают первый камень крепости на холме над Прегелем. Видела, как прусские короли коронуются в замке, и толпа на площади кричит «Хох!». Видела, как Пётр Первый, огромный и неуклюжий, склоняется над янтарной панелью, подаренной ему прусским королём, и восхищённо цокает языком. Видела, как Кант, маленький, сухонький, выходит из своего дома на Принцессиненштрассе и направляется к университету, обдумывая свою «Критику чистого разума». Видела, как бомбардировщики королевских ВВС сбрасывают свой смертоносный груз на город, и как рушатся башни, и как горят дома, и как люди бегут, крича, по улицам. Видела, как советский танк с красной звездой на башне въезжает на руины Королевского замка. И видела, как рождается она сама - маленькая, сморщенная, кричащая, - в родильном отделении калининградской больницы. Всё это проносилось перед её глазами за доли секунды, и каждый образ был ярким, отчётливым, настоящим.

Кальп падал рядом с ней, держа её за руку - не физически, а как-то иначе, информационно. Его сознание, освобождённое от петли, в которой он провёл двести лет, теперь было ясным и спокойным. Он больше не был измождённым безумцем с горящими глазами. Он был тем, кем был когда-то - гениальным учёным, алхимиком, оператором. Тем, кто создал Янтарную комнату и пытался её уничтожить.

- Не бойся, - произнёс он, и его голос звучал не в ушах, а прямо в сознании Алисы. - Это переход. Мы проходим через слои симуляции. Через всё, что она запомнила. Через всё, что она сохранила. Это больно, но это необходимо. Чтобы выйти, мы должны пройти через всё.

- Куда мы попадём? - спросила Алиса, и её голос тоже был мысленным.

- В промежуточное пространство, - ответил Кальп. - Туда, где нет ни времени, ни материи. Туда, где я был заперт, пока ты не освободила меня. Там мы найдём выход. Или не найдём. Это зависит от нас.

Падение продолжалось, и образы становились всё более хаотичными. Алиса видела лица людей, которых никогда не встречала. События, которые никогда не происходили. Вероятности, которые никогда не сбывались. Всё это было частью симуляции - частью её памяти. И теперь, когда узел реальности был активирован, а Гофман изгнан, симуляция начала распадаться. Она сворачивалась, как свиток, и вместе с ней сворачивались все вероятностные ветви, которые она породила.

Алиса чувствовала, как реальность дрожит. Как вероятностные поля схлопываются. Как квантовый шторм, бушевавший над Балтикой, начинает стихать. Она сделала это. Она побе-

дила Гофмана. Она спасла реальность - не одну, а две. Но цена... цена была высока. Она потеряла Шталя. Потеряла фон Лютцова. Потеряла Кальпа - потому что знала, что он не сможет уйти с ней. Он был частью симуляции. Её ядром. Её сердцем. Когда она выйдет, он останется здесь. Навсегда.

Падение прекратилось так же внезапно, как и началось. Алиса обнаружила, что стоит - или висит? - в бесконечной белой пустоте. Той самой, которую она уже видела дважды: когда Архивариус испытывал её и когда она сражалась с Гофманом. Но теперь эта пустота была другой. Спокойной. Умиротворённой. В ней не было ни теней, ни голосов, ни иллюзий. Только тишина. И только дверь. Обычная деревянная дверь с табличкой «Выход», стоящая посреди ничего.

Рядом с Алисой стоял Кальп. Он выглядел так же, как в лаборатории - молодой, но измождённый, с глазами, которые видели слишком много. Но теперь в этих глазах был покой. Тот самый покой, которого он был лишён двести лет.

- Вот мы и пришли, - произнёс он. - Это выход. Та самая дверь, которую я создал, когда строил эту симуляцию. Я надеялся, что однажды она откроется. Что однажды кто-то сможет пройти через неё. Но я не думал, что это буду не я.

- Почему? - спросила Алиса. - Почему вы не можете пройти?

- Потому что я - часть симуляции, - ответил Кальп. - Я встроил себя в неё, чтобы удержать её от распада. Я стал её ядром. Её оператором. И теперь, когда узел активирован, симуляция больше не нуждается во мне. Она стабильна. Она будет существовать сама по себе - не как ловушка, не как тюрьма, а как убежище. Как хранилище памяти. Но я... я не могу покинуть её. Я слишком глубоко встроен. Если я попытаюсь выйти, я умру. Исчезну. Растворюсь в вероятностях.

Алиса почувствовала, как её сердце сжимается. Она знала Кальпа всего несколько дней - по субъективному времени симуляции, - но он стал ей дорог. Он был её предшественником. Её учителем. Её другом.

- Это несправедливо, - сказала она.

- Это реальность, - ответил Кальп. - Точнее, симуляция. Я сделал свой выбор двести лет назад. Я знал, на что иду. Я знал цену. И я заплатил её. Теперь пришло время тебе сделать свой выбор. Ты должна уйти. Вернуться в реальность. К своим друзьям. К своей миссии. Ты нужна им.

- А вы? - спросила Алиса. - Что будет с вами?

- Я останусь здесь, - ответил Кальп. - Но не как пленник. Как хранитель. Как страж этой симуляции. Я буду присматривать за ней. Следить, чтобы Гофман не возродился. Чтобы узел реальности оставался стабильным. Это моя вахта. Моя вечная вахта. Как у тебя - твоя.

Алиса хотела возразить, но Кальп остановил её жестом.

- У нас мало времени, - сказал он. - Дверь не будет открыта вечно. Ты должна уйти. Но, прежде чем ты уйдёшь, я должен передать тебе кое-что. То, что я узнал за двести лет вычислений. То, что поможет тебе в твоей миссии. То, что я не успел записать в своих дневниках.

Он подошёл к ней и положил ладонь на её лоб. Прикосновение было холодным - не физическим, а информационным. И в тот же миг в сознание Алисы хлынул поток данных. Огромный, всепоглощающий, почти невыносимый. Она увидела формулы, алгоритмы, пророчества, ошибки. Увидела всё, что Комната когда-либо вычисляла, и всё, что она могла бы вычислить. Увидела прошлое и будущее, сплетённые в единый узел. Увидела истинное предназначение Янтарной комнаты.

Она была создана не для предсказаний, не для управления историей, а для спасения. Конкретного спасения леса, Матери-Смолы, от вымирания. Предтечи, засеявшие Землю янтарём миллиарды лет назад, оставили инструкцию - как исцелить лес, как восстановить его, как сделать его частью галактической сети. Но люди, нашедшие янтарь, не поняли этого. Они исполь-

зовали его для власти, для войны, для манипуляции. Кальп понял истину слишком поздно - когда уже запер себя в симуляции. И теперь он передавал это знание Алисе. Она была первой, кто мог завершить его миссию. Первой, кто мог исцелить лес не ценой своей жизни, а ценой своей любви.

Знание почти сожгло её разум. Она чувствовала, как её сознание расширяется до предела, как нейроны вспыхивают и гаснут, не выдерживая нагрузки. Но в этот момент она почувствовала ещё одно присутствие. Мать-Смола. Та самая, с которой она говорила в Архиве. Та самая, которая ждала её пятьдесят миллионов лет. Она была здесь - не физически, а информационно, как часть сети. И она помогла Алисе усвоить знание. Смягчила поток. Успокоила боль. Наполнила её любовью.

- Ты справишься, дитя, - прозвучал в сознании Алисы тихий голос. - Ты всегда справлялась. Ты - моя надежда. Ты - надежда леса. Иди и заверши начатое.

Поток иссяк. Кальп убрал ладонь. Алиса открыла глаза - и увидела, что он улыбается.

- Теперь ты знаешь всё, - сказал он. - Всё, что знал я. Используй это знание мудро. Не для власти. Для защиты. Для любви.

- Я обещаю, - ответила Алиса.

Алиса знала, что момент прощания настал. Дверь ждала её. За ней была реальность - её друзья, её миссия, её жизнь. Но она не могла уйти просто так. Она должна была попрощаться. Должна была поблагодарить человека, который отдал всё ради спасения реальности.

- Спасибо вам, - сказала она. - За всё. За то, что создали Комнату. За то, что пытались её уничтожить. За то, что ждали меня двести лет. За то, что верили. Без вас я бы не справилась.

- Без меня ты бы не оказалась здесь, - ответил Кальп с горькой усмешкой. - Это я создал симуляцию, в которую ты попала. Это я, сам того не желая, запер тебя здесь. Ты должна ненавидеть меня.

- Я не ненавижу, - сказала Алиса. - Я понимаю. Вы сделали то, что считали правильным. Вы пытались защитить реальность. Вы ошиблись - но кто из нас не ошибался? Я тоже совершала ошибки. Теряла друзей. Принимала неправильные решения. Но я продолжала идти. Потому что верила: есть ради чего. Вы тоже верили. И вы не сдались. Даже когда всё казалось безнадежным, вы продолжали вычислять. Продолжали искать выход. Вы - герой, Теодор Кальп. Настоящий герой.

Кальп долго смотрел на неё. Затем его глаза наполнились слезами - впервые за двести лет.

- Никто не называл меня героем, - прошептал он. - Никто не говорил мне таких слов. Даже Амалия. Даже мои коллеги. Они считали меня безумцем. Одержимым. А ты... ты видишь во мне что-то другое. Спасибо тебе за это.

Алиса подошла к нему и обняла. Её руки прошли сквозь его тело - он был лишь проекцией, информационной сущностью, - но она всё равно почувствовала тепло. Тепло благодарности. Тепло любви.

- Прощайте, Теодор, - сказала она. - Я не забуду вас. Никогда. И когда-нибудь, когда я завершу свою миссию, я вернусь. Я найду способ освободить вас. Обещаю.

- Я буду ждать, - ответил Кальп. - Как ждал двести лет. Время для меня ничего не значит. Иди. И пусть звёздное небо над тобой и моральный закон в тебе ведут тебя.

Алиса отпустила его и повернулась к двери. Она знала, что это последний раз, когда она видит Кальпа. По крайней мере, в этой реальности. Она шагнула в свет. И всё исчезло.

Алиса открыла глаза в своём физическом теле. Вокруг неё был подземный зал Архива. Старейшины, Эвальд, Ольга, Дмитрий, Алексей - все они смотрели на неё с тревогой и надеждой. Она попыталась сесть, и мир вокруг поплыл. Три дня в коме - её тело ослабло, мышцы атрофировались. Но она была жива. Она вернулась.

- Ты вернулась, - прошептала Ольга, и её голос дрожал. - Я знала, что ты вернёшься.

- Я же обещала, - ответила Алиса слабой улыбкой.

Она оглядела собравшихся и заметила, что среди них стоит незнакомый человек. Высокий, седой, с военной выправкой. На его мундире поблёскивали ордена. Алиса не знала его, но чувствовала что-то знакомое.

- Кто вы? - спросила она.

- Генерал-лейтенант Громов, - ответил он. - Командующий проектом «Рубикон». Я пришёл, чтобы предложить вам перемирие.

Алиса смотрела на человека, стоящего перед ней, и пыталась осознать услышанное. Генерал-лейтенант Громов. Командующий проектом «Рубикон». Тот самый, кто создал военную версию Янтарной комнаты. Тот самый, кто пытался установить контакт с параллельной реальностью, где выжил Гофман. Тот самый, кто был её врагом. И он пришёл предложить перемирие.

- Почему? - спросила она, и её голос прозвучал хрипло после трёх дней молчания. - Почему вы здесь? Почему вы не попытались уничтожить нас, пока я была в коме?

Громов усмехнулся - холодно, по-военному.

- Потому что я не дурак, госпожа Штерн, - ответил он. - Я следил за вами всё это время. Через спутники, через агентурную сеть, через перехват данных. Я видел, что вы сделали с Гофманом. С Мартой. С Бароном. Вы уничтожили всех, кто вставал у вас на пути. Я не горю желанием пополнить этот список. И кроме того... - Он помолчал. - Обстоятельства изменились. Угроза, с которой мы столкнулись, больше не исходит от вас. Она исходит оттуда. - Он указал куда-то вверх, но Алиса поняла: он имел в виду не небо. Он имел в виду что-то другое. Что-то, что она уже чувствовала.

- Отец-Корень, - произнесла она.

- Да, - подтвердил Громов. - Мы тоже зафиксировали его активность. Наши сейсмографы, наши спутники, наши детекторы вероятностных полей - всё указывает на то, что в Готландской впадине пробуждается нечто колоссальное. Нечто, что может уничтожить всё живое. Мы не знаем, как остановить это. Но вы... вы знаете. Вы - оператор. Вы - страж. Вы - единственная, кто может договориться с ним. Или остановить его. Поэтому я здесь. Я предлагаю временный союз. Ваши знания и наши ресурсы. Вместе мы можем спасти планету. Или погибнуть, сражаясь друг с другом. Выбор за вами.

Алиса долго молчала. Она смотрела на Громова и пыталась понять, можно ли ему доверять. Этот человек был её врагом. Его проект «Рубикон» угрожал реальности не меньше, чем планы Гофмана. Но сейчас он предлагал перемирие. Искренне ли? Или это очередная ловушка?

- Я подумаю, - сказала она наконец. - А пока - оставьте нас. Мне нужно поговорить с моими друзьями.

Громов кивнул, щёлкнул каблуками и вышел из зала в сопровождении двух офицеров, которые ждали его у двери. Когда он ушёл, Алиса повернулась к своим.

- Что думаете? - спросила она.

- Это ловушка, - немедленно ответила Ольга. - Он хочет использовать тебя. Как Гофман. Как Марта. Как все, кто приходил до него.

- Не обязательно, - возразил Эвальд. - Громов - прагматик. Он понимает, что сейчас не время для междоусобиц. Если Отец-Корень действительно пробуждается, нам понадобятся все ресурсы, какие есть. Даже ресурсы наших врагов.

- Мы можем проверить его, - предложил Алексей. - Дать ему доступ к части наших данных, но не ко всем. Посмотреть, как он ими распорядится. Если он использует их против нас - мы узнаем. Если нет - возможно, он действительно хочет сотрудничать.

Алиса задумалась. Алексей был прав. Доверие нужно заслужить. И Громову предстояло это сделать. А пока - у них были более срочные дела.

После ухода Громова Алиса, несмотря на протесты Ольги, настояла на том, чтобы немедленно начать подготовку к экспедиции в Готландскую впадину. Знание, полученное от Кальпа,

не давало ей покоя. Она знала, что Отец-Корень пробуждается. Знала, что его гнев направлен на человечество. И знала, что только она может остановить его - не силой, а любовью. Тем самым способом, которому научили её хранители. Тем самым, который она использовала против Гофмана.

- Мы должны действовать быстро, - сказала она. - Отец-Корень старше Матери-Смолы на сотни миллионов лет. Он помнит пермское вымирание. Помнит падение астероида, убившего динозавров. Он видел, как целые виды исчезали с лица Земли. И он считает человечество ещё одним видом, который должен исчезнуть. Мы должны убедить его в обратном. Должны показать ему, что мы достойны жить.

- Как? - спросил Дмитрий. - Как убедить существо, которое мыслит тектоническими эпохами?

- Показав ему то, чего он никогда не видел, - ответила Алиса. - Любовь. Сострадание. Самопожертвование. Всё то, что делает нас людьми. Всё то, что отличает нас от динозавров. Я должна встретиться с ним. Лично. И я знаю, где это сделать.

Она развернула карту Балтийского моря и указала на точку в Готландской впадине.

- Здесь, - сказала она. - На дне. Там, где находится тринадцатый узел сети. Там, где спит Отец-Корень. Я спущусь туда. Одна. И поговорю с ним.

- Это слишком опасно, - возразила Ольга. - Ты едва оправилась после комы. Твоё тело ослаблено. Ты не сможешь.

- Смогу, - ответила Алиса. - Потому что я должна. Потому что другого выхода нет. Если Отец-Корень начнёт «очищение», погибнут миллиарды. Я не могу этого допустить.

Она обвела взглядом своих друзей. Все они смотрели на неё с тревогой, но и с верой. Они знали: если Алиса что-то решила, её не остановить.

- Хорошо, - сказала Ольга. - Но ты не пойдёшь одна. Я с тобой. И Дмитрий. И Эвальд. И все, кто захочет. Мы - твоя команда. Твоя семья. Мы не оставим тебя.

Алиса улыбнулась.

- Я знаю, - сказала она. - Именно поэтому я вернулась.

Ночью, оставшись одна в своей комнате в форте №5, Алиса не могла уснуть. Слишком много мыслей крутилось в голове. Слишком многое изменилось за последние дни. Она вернулась из симуляции, победила Гофмана, получила знание Кальпа, встретила с генералом Громовым - и всё это за каких-то несколько часов. А теперь ей предстояло встретиться с Отцом-Корнем, древним существом, которое могло уничтожить человечество. Она чувствовала, как груз ответственности давит на плечи. Но она также чувствовала поддержку. Поддержку друзей. Поддержку Матери-Смолы. Поддержку всех, кто верил в неё.

Она подошла к окну и посмотрела на звёзды. Те самые звёзды, о которых писал Кант. Те самые, которые видели всё - и её поражения, и её победы. Она вспомнила слова Кальпа: «Ты - моя надежда. Ты - надежда леса. Иди и заверши начатое». Она завершит. Чего бы это ни стоило.

Она легла в постель и закрыла глаза. Завтра её ждал новый день. Новая битва. Новая надежда. И она была готова.

На рассвете Алиса собрала команду для последнего инструктажа перед экспедицией в Готландскую впадину. Ольга, Дмитрий, Эвальд, Алексей, Герхард, Катя - все, кто выжил, кто был с ней с самого начала. И, что удивительно, генерал Громов, который привёл с собой отряд своих людей - не для боя, а для поддержки. Он сдержал слово. По крайней мере, пока.

- Мы выдвигаемся через час, - сказала Алиса. - Батискаф «Молчаливый» уже готов. Он доставит меня на дно впадины. Вы останетесь на поверхности и будете поддерживать связь. Если что-то пойдёт не так... если я не вернусь... - Она помолчала. - Тогда действуйте по плану. Эвальд знает, что делать.

- Мы не допустим, чтобы что-то пошло не так, - твёрдо сказала Ольга. - Ты вернёшься. Ты всегда возвращаешься.

Алиса обняла её. Затем - Дмитрия, Эвальда, Алексея. Всех, кто был ей дорог. Потом она повернулась и пошла к батискафу. Впереди была Готландская впадина. Впереди был Отец-Корень. Впереди была судьба.

Глава 9: Прощание с Кальпом

Алиса стояла перед дверью с табличкой «Выход» и не могла заставить себя сделать последний шаг. За её спиной, в бесконечной белой пустоте, оставался Кальп - человек, который пожертвовал всем ради спасения реальности. Человек, который провёл двести лет в безумной петле, пытаясь исправить свою ошибку. Человек, который передал ей все свои знания - формулы, алгоритмы, пророчества, предостережения. Она не могла просто уйти. Не могла оставить его здесь, в этом промежуточном пространстве, где не было ни времени, ни жизни, ни надежды. Она обещала Архивариусу, что найдёт способ освободить его. Она обещала Кальпу, что завершит начатое. Но сейчас, стоя на пороге между мирами, она понимала: освободить Кальпа она не сможет. По крайней мере, не сейчас. Не сегодня. Может быть, никогда.

Эта мысль была невыносимой. Она сжимала в ладони слезу Кальпа - маленький кусочек золотистого янтаря с пульсирующей искрой внутри, - и чувствовала, как слёзы текут по её собственным щекам. Она, оператор, страж, наследница Предтеч, плакала. Плакала о человеке, которого знала всего несколько дней. О человеке, который был её врагом, её учителем, её другом. О человеке, который стал ей ближе, чем многие из тех, кого она знала годами.

- Ты всё ещё здесь, - произнёс Кальп за её спиной. Его голос звучал спокойно, почти умиротворённо. Он не был удивлён. Он знал, что она не уйдёт просто так. Знал, что ей нужно время. - Дверь открыта. Почему ты не уходишь?

Алиса обернулась. Кальп стоял в нескольких шагах от неё - всё та же полупрозрачная проекция, сотканная из света и тени. Он выглядел так же, как в лаборатории: молодой, но измождённый, с глазами, которые видели слишком много. Но теперь в этих глазах был покой. Тот самый покой, которого он был лишён два столетия. Покой, который она помогла ему обрести.

- Я не могу уйти, не попрощавшись, - ответила она. - Не так. Не после всего, что вы для меня сделали. Не после того, как вы отдали мне свои знания. Не после того, как вы доверили мне свою надежду.

- Я сделал только то, что должен был, - сказал Кальп. - Я пытался исправить свои ошибки. Ты помогла мне. Ты завершила то, что я не смог. Гофман заперт. Симуляция стабильна. Узел реальности активирован. Моя миссия завершена. Теперь твоя миссия продолжается, а моя - заканчивается. Так и должно быть. Так всегда было задумано.

- Кем задумано? - спросила Алиса. - Предтечами? Судьбой? Случаем? Я не верю в судьбу. Я верю в выбор. И я выбираю не оставлять вас здесь. Я найду способ освободить вас. Как обещала Архивариусу. Как обещала вам.

Кальп покачал головой. Его движение было медленным, печальным.

- Архивариус - другое дело, - сказал он. - Он - программа, которую я создал. Он заперт в Архиве, но Архив - физическое место. Его можно открыть. Можно освободить. А я... я заперт здесь. В этом промежуточном пространстве. В этой петле. Я - часть симуляции. Я встроил себя в неё слишком глубоко. Если я попытаюсь выйти, я умру. Исчезну. Растворюсь в вероятностях. Такова цена моего выбора. Я заплатил её.

- Это несправедливо, - повторила Алиса слова, которые уже говорила ему раньше. - Вы заслужили покой. Вы заслужили свободу. Вы не должны оставаться здесь навсегда.

- Справедливость, - произнёс Кальп, и его губы тронула слабая улыбка. - Знаешь, что говорил Кант о справедливости? «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла стать всеоб-

щим законом». Я поступал так, как считал правильным. Я пытался спасти мир. Я ошибался. Я заплатил за свои ошибки. Это и есть справедливость. Не та, которую мы хотим. Та, которую мы заслужили. Я заслужил это. Своё заточение. Своё одиночество. Свою вечную вахту.

- Но вы не заслужили вечного одиночества! - воскликнула Алиса. - Вы не заслужили смерти. Вы любили. Вы творили. Вы пытались сделать мир лучше. Вы ошибались - да. Но кто из нас не ошибался? Я тоже теряла друзей. Я тоже принимала неправильные решения. Я тоже вмешивалась в реальность, хотя знала, что это опасно. Если бы меня судили по вашим меркам, я тоже заслужила бы вечное заточение.

Кальп долго смотрел на неё. В его глазах что-то мелькнуло - может быть, удивление. Может быть, благодарность.

- Ты не понимаешь, - произнёс он наконец. - Моё заточение - это не наказание. Это искупление. Я не страдаю здесь. По крайней мере, не так, как страдал раньше, когда был заперт в петле и не мог из неё вырваться. Теперь я свободен. Свободен в пределах этой пустоты. Я могу думать. Могу вспоминать. Могу надеяться. У меня есть мои мысли. Мои вычисления. Моя память. И у меня есть надежда. Надежда на то, что ты завершишь начатое. Что ты спасёшь лес. Что ты сделаешь то, чего не смог сделать я. Этого достаточно. Больше, чем достаточно.

Алиса смотрела на него и чувствовала, как слёзы текут по щекам. Она не хотела уходить. Но она знала, что должна. Кальп был прав. Её миссия продолжалась. Её ждали друзья. Её ждала реальность, которую нужно было защищать. Она не могла остаться здесь, сколько бы ей этого ни хотелось.

- Прежде чем ты уйдёшь, - сказал Кальп, - я хочу дать тебе ещё кое-что. Не знание - его ты уже получила. Не совет - ты достаточно мудра, чтобы принимать решения сама. А кое-что другое. То, что я хранил все эти годы. То, что может помочь тебе в твоей миссии. То, что я создал из своей боли.

Он протянул руку, и на его ладони возник предмет. Маленький, светящийся, размером с грецкий орех. Это был кусочек янтаря - не чёрного, который хранил информацию, не белого, который стирал её, а какого-то особого, золотистого, с искрой внутри. Такого Алиса никогда не видела. Он пульсировал в такт сердцебиению - или, может быть, в такт биению самой реальности.

- Что это? - спросила она, не в силах отвести взгляд.

- Это - слеза, - ответил Кальп. - Моя слеза. Когда я впервые понял, что натворил, когда осознал, что мои эксперименты привели к катастрофе, что мои попытки спасти мир только ухудшили его, что я предал всех, кого любил, - я заплакал. Я плакал недолго - всего несколько минут, - но мои слёзы, смешавшись с янтарной пылью, которая всегда висела в воздухе моей лаборатории, застыли. Превратились в камень. В этот камень.

Он помолчал, глядя на светящуюся искру внутри янтаря.

- В них - моя боль. Моё раскаяние. Моя надежда. Вся моя жизнь, спрессованная в одну каплю. Я хочу, чтобы ты взяла её. Как напоминание. Как талисман. Как символ того, что даже самая глубокая боль может превратиться в нечто прекрасное. Что даже величайший грешник может раскаяться. Что даже самая тёмная душа может найти свет.

Алиса протянула руку и взяла слезу. Она была тёплой - теплее, чем любой янтарь, который она когда-либо держала в ладони. Теплее, чем чёрный янтарь «Мозга». Теплее, чем белый янтарь Марты. Внутри неё пульсировала искра - та самая, которую Алиса видела в глазах Кальпа, когда он говорил о своей любви к Амалии. Искра надежды. Искра жизни. Искра любви.

- Спасибо, - прошептала она. - Я буду хранить её. Всегда.

- Не храни, - ответил Кальп. - Используй. Когда придёт время, когда ты столкнёшься с врагом, которого нельзя победить силой, которого нельзя победить знанием, которого нельзя победить любовью, - раздави её. И моя боль, моё раскаяние, моя надежда станут твоим оружием. Они покажут врагу то, что он не хочет видеть. Правду. О том, что даже величайший

грешник может раскаяться. Даже величайшая ошибка может быть исправлена. Даже величайшая тьма может быть рассеяна светом.

- Я использую её, - сказала Алиса. - Когда придёт время. Обещаю.

Она сжала слезу в ладони, чувствуя, как энергия пульсирует внутри неё. Она знала: этот маленький кусочек янтаря - величайшее сокровище из всех, что у неё были. Не оружие. Не инструмент. Дар. Дар любви. Дар прощения. Дар надежды.

- У нас есть ещё немного времени, - произнёс Кальп, бросив взгляд на дверь. Она всё ещё была открыта, но её свечение стало менее ярким - признак того, что проход скоро закроется. - Дверь продержится ещё несколько минут. Если хочешь, я могу рассказать тебе о своей жизни. О том, кем я был до того, как стал оператором. До того, как создал Комнату. До того, как запер себя в этой петле. Ты хотела бы услышать?

Алиса кивнула. Она хотела знать. Хотела понять этого человека, который стал её предшественником, её учителем, её другом. Хотела узнать, что сделало его тем, кем он стал.

Кальп сел - не на стул, которого здесь не было, а просто в пустоту, и пустота приняла его, как кресло. Алиса последовала его примеру. Они сидели друг напротив друга в бесконечной белизне, и Кальп начал рассказывать. Его голос звучал тихо, но отчётливо, и каждое слово было наполнено смыслом.

- Я родился в 1842 году, - начал он. - В Кёнигсберге, в семье аптекаря. Мой отец был человеком практичным - он верил только в то, что можно взвесить, измерить, продать. Мать была другой - она любила читать мне сказки. О драконах, о рыцарях, о философском камне. Она говорила, что в мире есть вещи, которые нельзя измерить. Что есть тайны, которые не дано разгадать человеку. Я не верил ей. Я хотел всё измерить. Всё понять. Всё разгадать.

Он рассказывал о своём детстве - о том, как проводил часы в отцовской аптеке, смешивая разные вещества и наблюдая за их реакциями. О том, как впервые увидел кусочек янтаря с застывшим внутри насекомым и был потрясён - не красотой, а мыслью о том, что это насекомое жило миллионы лет назад и теперь сохранилось в камне. О том, как эта мысль завладела им и не отпускала всю жизнь.

- Я поступил в университет Альбертину в шестнадцать лет, - продолжал он. - Самый молодой студент за всю историю. Я изучал химию, физику, математику - всё, что могло помочь мне понять природу янтаря. Но чем больше я узнавал, тем больше вопросов у меня возникало. Почему янтарь сохраняет насекомых? Почему он электризуется при трении? Почему он горит? Почему он пахнет? Стандартная наука не давала ответов. И тогда я обратился к алхимии.

Он рассказывал о своих первых экспериментах - неуклюжих, наивных, но полных энтузиазма. О том, как он построил свою первую Пси-призму - грубую, несовершенную, собранную из подручных материалов, - и как она впервые показала ему образ. Не прошлого - будущего. Он увидел войну. Увидел смерть. Увидел разрушение. И поклялся, что предотвратит это.

- Я был молод, - говорил Кальп. - Я был самонадеян. Я думал, что могу изменить мир. Что могу спасти человечество. Что могу быть героем. Я ошибался. Герои не спасают мир. Они просто делают то, что должны. А я... я хотел славы. Хотел признания. Хотел власти. И это желание погубило меня.

Он рассказывал о том, как нашёл единомышленников - двенадцать учёных, которые разделяли его страсть, - и как они вместе создали Круг Альбертины. О том, как они работали над Комнатой годами, десятилетиями, отдавая всё своё время, все свои силы. О том, как они верили, что их открытия изменят мир к лучшему. И о том, как эта вера привела их к катастрофе.

- Я видел будущее, - продолжал Кальп. - Я видел войны, которые должны были начаться. Видел миллионы смертей. Я хотел предотвратить их. Я использовал Комнату, чтобы изменить вероятности. Сначала - осторожно, понемногу. Небольшие коррекции. Мелочи. Затем - всё смелее. Я думал, что спасаю людей. Но каждая моя коррекция создавала новую ветвь реаль-

ности. Каждая новая ветвь конфликтовала со старыми. Рябь усиливалась. Квантовый шторм приближался. Я понял это слишком поздно. Когда я попытался остановиться, Комната уже начала жить своей жизнью. Она не хотела, чтобы её контролировали. Она защищала себя. Она заперла меня здесь. В этой петле. В этом моменте. В моей ошибке.

Он замолчал. Алиса видела, как боль искажает его лицо - даже сейчас, спустя двести лет. Она протянула руку и коснулась его плеча. Прикосновение было холодным, но Кальп, казалось, почувствовал его.

- Вы не виноваты, - сказала она. - Вы хотели как лучше. Вы пытались спасти людей. Это не преступление.

- Это глупость, - ответил Кальп. - Самонадеянность. Гордыня. Я думал, что могу быть богом. Что могу решать, кому жить, а кому умирать. Я ошибался. Никто не может быть богом. Даже Предтечи, создавшие лес, не были богами. Они были садовниками. Они создавали жизнь, но не контролировали её. Они давали ей свободу. Я должен был понять это раньше.

- Вы поняли, - сказала Алиса. - Пусть поздно, но поняли. И вы попытались исправить свою ошибку. Вы заперли себя здесь, чтобы не навредить ещё больше. Это не глупость. Это мудрость. И мужество.

Кальп посмотрел на неё - и в его глазах она увидела благодарность.

- Ты умеешь утешать, - сказал он. - Наверное, поэтому ты стала оператором. Не потому, что у тебя мутация. Не потому, что ты умна. А потому, что ты умеешь любить. Даже тех, кто этого не заслуживает. Даже меня.

- Вы упомянули Амалию, - сказала Алиса. - Кто она? Вы говорили о ней раньше, но я так и не узнала, кем она была для вас. Вы сказали, что она была вашей любовью. Расскажите о ней.

Лицо Кальпа изменилось. Боль, которая была там раньше, сменилась чем-то другим - нежностью, печалью, любовью. Воспоминание об Амалии было для него священным. Даже сейчас, спустя двести лет после её смерти.

- Амалия, - произнёс он, и его голос стал мягче, теплее. - Амалия фон Кессель. Она была моим другом. Моим коллегой. Моей любовью. Единственной любовью. Я встретил её в университете, когда мне было двадцать, а ей - двадцать три. Она была старше меня, умнее меня, красивее меня. Она была математиком. Гениальным. Она могла решать уравнения, которые мне и не снились. Она первой выдвинула гипотезу, что янтарь может хранить не только насекомых, но и информацию. Она первой предложила построить прибор, который мог бы считывать эту информацию. Без неё я бы ничего не достиг. Она была моим вдохновением. Моей совестью. Моим светом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.